

Как укротить леди

Автор:

[Кейси Майклз](#)

Как укротить леди

Кейси Майклз

Семейство Дотри

Дерзкая, отчаянная Николь Дотри в свои восемнадцать лет не была похожа на сверстниц. Замужество представлялось ей тяжкими оковами. Бунтующий дух требовал свободы, прогулок верхом со скоростью ветра, опасных приключений. Николь не могла позволить себе влюбиться и оказаться в чьей-либо власти. Так она думала до встречи с Лукасом Пейном, маркизом Бэсингстоком. Маркизу грозило обвинение в организации бунта, и, ухаживая за леди Дотри, он надеялся отвести внимание общества от опасной темы. Однако он был покорен свободолобивой молодой девушкой с копной густых темных волос. Николь также невероятно привлекал Лукас, но раз за разом она отвергала его предложения руки и сердца. Удастся ли благородному маркизу укротить строптивую леди?

Кейси Майклз

Как укротить леди

Роман

Посвящаю юной мисс Агустине, которая держит все в своих руках, позволяя мне разбрасываться. Тысяча благодарностей!

Пролог

На опушку леса вихрем вылетел всадник. Потревоженные им зайцы опрометью бросились в разные стороны. Стая испуганных птиц с шумом снялась с верхушек деревьев и черной тучкой унеслась в высокое, непривычно яркое синее небо.

Копыта лошади на мгновение увязли в мягком, недавно вспаханном поле, но она быстро приновилась к иной почве и стремительно понеслась дальше.

Поза всадника напоминала посадку наездников, которых можно было видеть на состязаниях во время деревенских ярмарок, – голова низко пригнута к шее лошади, руки крепко сжимают поводья, локти так и ходят вверх-вниз, он почти стоит в стременах, сжимая коленями бока лошади и едва касаясь седла.

Эта слаженная пара отлично знала цепь препятствий. Первой шла изгородь из кустарников, за ней, в конце второго поля, – широкая, хотя и не очень высокая каменная стена, отделявшая спуск в добрых три фута, который заканчивался обширным болотистым лугом.

Еще одна дистанция, преодоленная длинным свободным галопом, и – высокий барьер. Вот где всадника ждало настоящее испытание, явный вызов – и высший триумф, когда преграда оставалась позади.

Лошадь под всадником выглядела сильной, выносливой и быстроногой, но здесь все зависело от человека. И это было самым прекрасным и упоительным. Полная власть твоей воли над животным, над ситуацией, над самим собой и своей судьбой!

А главное – головокружительное чувство свободы, которую давала эта власть.

Всадник преодолел менее значительные препятствия, и вдали уже показался тот самый барьер из пяти бревен. Это препятствие было не для слабых духом, не для каждого наездника. Здесь требовались высокое мастерство и отвага. И – чуточку везения.

Но нашему всаднику неизменно сопутствовала удача.

Кобыла ускорила бег, напрягая мощные мышцы, выбрасывая в морозный утренний воздух струи пара из черных ноздрей.

Всадник всем телом прижался к крупу лошади, ощутив точно рассчитанный толчок, когда она в последний раз коснулась копытами земли и взлетела в воздух.

Слившись воедино, они парили, оторвавшись от земли с ее бренными заботами. Внизу все замерло в ожидании – на долгое мгновение захватывающего дух полета.

И вот передние копыта лошади снова коснулись земли, и сердце всадника заколотилось в такт с ритмичной дробью копыт. Рукой в перчатке он сорвал с головы мягкую войлочную шляпу и, встав в стремянах, размахивал ею, как победным стягом.

Вырвавшиеся на свободу густые черные волосы взметнул ветер. Губы, полные, свежие, будто созданные для радостных и насмешливых улыбок, чарующего кокетства и поцелуев, округлились, и над полем пронесся ликующий вопль.

Большие глаза цвета лесной фиалки сверкали. Дерзко вздернутый носик и слегка выступающие скулы, усеянные веснушками, придавали всему лицу выражение милой невинности, с которым не совсем сочетался выразительный, чувственный рот.

Порывистый ветер остужал высокую грудь под белой, распахнутой у ворота батистовой рубашкой, заправленной в коричневые бриджи, – наряд, который счел бы слишком смелым даже самый отпетый вольнодумец.

Восемнадцатилетняя леди Николь Дотри знала, что ее считают красавицей и не похожей на других девушек благородного рода. Но ее это ничуть не огорчало, напротив, она упивалась своей юностью и отвагой, непокоренным сердцем и бьющей через край жаждой жизни. А больше всего – изумительной, необыкновенной свободой!

Сегодняшний день был отдан празднованию этой юности, этой радости и свободы. А уже завтра предстояло прощание с одним миром и встреча с другим – ее ждал первый сезон в Лондоне, к которому она готовилась, как к взятию самого трудного препятствия.

Без страха и сомнений в благополучном исходе.

Глава 1

Март 1816 г.

Лукас Пейн, маркиз Бэсингсток, отличался классической красотой – густые, чуть выющиеся белокурые волосы, ясные голубые глаза и высокий стройный стан. Его манеры, как и туалеты, всегда были безукоризненны. Маркиз обожал свою овдовевшую мать и любил своих собак.

Его принимали во всех домах высшего общества, и он состоял членом самых избранных клубов. Искусный наездник, он не менее ловко правил упряжкой, не избегал и боксерских залов, где выделялся своим мастерством, хотя утверждал, что чувствует себя более уверенным в бою на рапирах, чем на кулаках. Он не нюхал табака, держался в обществе естественно и сдержанно, великодушно танцевал с застенчивыми или не пользующимися успехом у мужчин барышнями, умел сделать приятный комплимент почтенным вдовам и в игре в карты всегда соблюдал умеренность, хотя и обладал огромным состоянием.

И если память о покойном отце маркиза омрачала тень скандала, то сына она никогда не касалась.

Как заметил его друг Флетчер Саттон, виконт Ялдинг, в тот мартовский день, когда оба прогуливались по Бонд-стрит, с опаской поглядывая на низкое небо с нависшими тучами, если бы маркиз вдобавок к своим добродетелям еще бы мог управлять погодой, он был бы почти равен Богу.

Лукас и Флетчер знали причину этой отвратительной погоды с затяжными холодными дождями и почти полным отсутствием солнечных дней, но искренне поражались тому, что извержение вулкана под названием Тамбора, случившееся почти год назад где-то на краю света, вызвало столь продолжительное ненастье на большей части Англии и остальной Европы.

– Ты все молчишь, – заметил Флетчер, когда приятели остановились раскрыть зонты, поскольку едва заметная изморось перешла в мелкий дождь, обещавший через несколько минут обернуться настоящим ливнем. – Все еще злишься из-за того, что вчера в Уайте сказал лорд Харпер? Он действительно повел себя довольно бестактно, когда заявил, что даже на похоронах ему не приходилось слышать более безотрадных и мрачных речей... Тем более когда разве что спиной к тебе не повернулся со своими приятелями. Хотя, должен признать, в каком-то смысле он прав.

Виконт Ялдинг имел в виду инцидент, произошедший накануне в одном из самых избранных лондонских клубов. Лорд Харпер, известный своими плоскими шутками, с преувеличенным негодованием пожаловался, что не смеет ступить за порог своего дома, так как на улице к нему сразу бросается толпа «жалких оборванцев» с просьбой о подавании.

Неожиданно для самого себя Лукас стал горячо защищать обездоленных, голодных и запуганных бедняков и даже предостерег, что, если в ближайшее время не будут приняты меры для оказания помощи соотечественникам из низших классов, это может привести к самым серьезным и непредсказуемым последствиям.

Хотя высказанное соображение внезапно пришло в голову взволнованному Лукасу, оно показалось ему вполне справедливым. Впрочем, его почти и не слушали.

Лукас взглянул на своего друга, иронически подняв бровь:

– Если мнение этого записного шута когда-нибудь повергнет меня в депрессию, я бегом вернусь домой и перережу себе горло!

Флетчер отреагировал на это коротким кивком.

– Понятно, тогда в чем же дело? В погоде? Но роптать на нее бессмысленно, ты сам говорил, что скорого улучшения ждать не стоит. Или тебе жмут новые сапоги? Но ведь ты приобрел их у Хоби, верно? Значит, дело не в сапогах. И все же ты выглядишь так, будто тебя покинул последний друг, но это не так, ибо вот я здесь, собственной персоной! И пожалуйста, не стесняйся, как только тебе снова вздумается дразнить гусей, я вскочу на стул и буду поддерживать тебя криками: «Слушайте! Слушайте!»

– В самом деле? Рад это слышать, Флетчер. Только я не совсем понял, заверяешь ли ты меня в своей поддержке или подстрекаешь на то, чтобы я снова стал дразнить гусей, как ты тактично это назвал.

Виконт Ялдинг, привлекательной наружности молодой человек лет двадцати пяти, с веселыми светло-карими глазами и озорными ямочками на щеках, от души рассмеялся.

– И это самое интригующее, не так ли? Потому что сам ты никогда не догадаешься!

– Но ты-то, Флетчер, понимаешь, в чем дело! К сожалению, жизнь ничему нас не учит. Еще недавно наш дорогой принц-регент готовился к бегству, уверенный, что его верноподданные вот-вот восстанут против него, как французы восстали против своего короля. А что теперь? Из-за проклятого вулкана мы имеем непомерно высокие цены абсолютно на все, наши фермеры разоряются, наши храбрые солдаты нищенствуют, а дети болеют из-за отсутствия овощей! Но мы не даем себе труда задуматься о том, к чему это может привести! А между тем в народе уже давно бродят бунтарские настроения.

– Да, да, я помню, что ты говорил, но довольно об этом, прошу тебя. Цитируя лорда Харпера, это довольно мрачная тема для разговора. И ты не совсем прав, Лукас. Наше правительство принимает меры, хотя, возможно, и не в том направлении, которое ты одобряешь... Смотри!

Лукас увидел девушку, которая бежала в их сторону, на ходу оглядываясь на другую молодую женщину, стоявшую под навесом в ожидании служанки с зонтом.

– Не будь такой неженкой, Лидия! Карета совсем рядом. Всего несколько... Ах!

Схватив девушку за руку, Лукас помешал ей сбить себя с ног.

– Осторожно, юная леди! Я далек от мысли выступить в роли учителя, но хочу напомнить вам о необходимости смотреть, куда вы направляетесь и где находитесь.

Девушка, ростом ему по грудь, подняла голову, так что из-под широких полей шляпки стало видно ее лицо, и взглянула на него.

Господи! Видел ли он когда глаза, подобные этим? Да разве бывают такие необыкновенные глаза?! Синие, цветом напоминающие выгоревшие на солнце фиалки, такие живые, бесстрашные и веселые, провоцирующие его – но на что? Тонкий овал юного лица в облаке дивных черных волос, изящный, чуть вздернутый носик, слегка припухшая нижняя губка, и ямочка на правой щеке. Нежная, как свежий персик со сливками, кожа, сбрызнутая легкой россыпью веснушек, до которых так и хотелось дотронуться, пересчитать их кончиком пальца, кончиком языка...

– Вы правы, – сказала она, закусив ту самую нижнюю пухленькую губку превосходными белоснежными зубами и окинув его смелым взглядом. – Ваше заявление не лишено здравого смысла. Хотя, когда я уже знаю, где нахожусь, меня всегда больше интересует то, что находится впереди. А теперь можете меня отпустить.

Лукас, не помнивший, чтобы встреча с какой-либо женщиной могла привести его в такое волнение, казалось, утратил дар речи и только во все глаза смотрел на нее.

– Лукас! – подтолкнул его локтем Флетчер. – Дама говорит, что ты можешь ее отпустить.

Он с некоторым усилием овладел собой.

– Да, да, конечно. Прошу прощения, юная леди. Я боялся, как бы вы не ушиблись при нашем... э... столкновении.

– Благодарю вас, сэр, но, думаю, я бы это пережила. А вот и моя сестра! Она сердится на меня и готова в который раз напомнить, что мы уже не в Ашерст-Холл и что в Лондоне нельзя вести себя как в своей деревне. Хотя я не понимаю, а почему, собственно? Вряд ли здесь, на Бонд-стрит, можно встретиться с каким-нибудь опасным разбойником.

– Я бы так не сказал, мисс. Если подумать, мы можем быть довольно опасными, – шутливо заметил Флетчер, подмигнув Лукасу, который счел, что его друг слишком уж разыгрался.

– Вы сказали, Ашерст-Холл? – переспросил Лукас, обращаясь к девушке, чье прелестное лицо успели усеять бисеринки дождя. Она была свежа, как только что распустившаяся роза, но ум в этих необыкновенных глазах говорил ему, что, несмотря на юный возраст, перед ним отнюдь не бездумная пустышка. – В таком случае вы, вероятно, знакомы с герцогом Ашерстом?

– Разумеется, Рафаэль – наш с Лидией брат. А теперь, когда вы уже знаете мое имя...

– О, тысяча извинений! – Лукас взглянул на красивую молодую блондинку, названную Лидией, которая присоединилась к их трио под зонтами. Сестры? Да, конечно, сходство было очевидным, но на первый взгляд подошедшей молодой даме недоставало живой смелости и огня ее сестры. – Леди Лидия, если я правильно расслышал ваше имя? Позвольте мне представить вам себя и моего друга.

– Джентльмены! – приветствовала их Лидия легким реверансом, дав знак сестре сделать то же самое. – В свою очередь позвольте мне представить мою сестру леди Николь Дотри.

Николь! В переводе с греческого это означает «победительница», сообразил Лукас. Да, это имя ей подходит. Он представил ее летящей на коне впереди своей армии, наподобие Элеоноры Аквитанской. Говорили, что для того, чтобы вдохновить солдат, королева скакала с обнаженной грудью.

Лукас отбросил это смущающее видение и поклонился юной даме:

– Счастлив познакомиться, леди Николь.

– Да... – Проказница улыбнулась ему, будто не сомневалась, что знакомство с нею действительно доставило ему необыкновенное удовольствие. Она взглянула ему под ноги и лукаво заметила: – Милорд, кажется, не обратил внимания, что стоит в луже?

Флетчер прыснул от смеха, а Лукас только теперь увидел, что все это время вода из водосточной трубы вместо того, чтобы стекать в канаву, образовала вокруг его новых сапог порядочную лужу.

– Ну почему же, леди Николь, я это знаю. Я предпочитаю стоять исключительно в лужах, поскольку остальные их избегают и в них не так тесно.

На щеке ее появилась ямочка, и она на мгновение закусила пухлую нижнюю губку.

– Но, милорд, я тоже в ней стою.

Отлично! Если ей хочется шутить, он не заставит ее разочароваться.

– Следовательно, теперь эта лужа принадлежит нам обоим, не так ли, леди Николь?

– Н-не уверена. Моя сестрица может подтвердить, что я не люблю делиться чем-либо с другими. Извольте выйти из нее, милорд!

Она его предостерегает? Его?! Маркиза Бэсингстока предостерегает юная мисс, впервые оказавшаяся за пределами деревни. Это ему следовало предостеречь ее, хотя он не очень хорошо понимал по поводу чего.

Флетчер смущенно покашлял.

– Да... э... М-да... Господи, я только что вспомнил! Лукас, у нас же назначена встреча. Мы уже задерживаемся, а ты знаешь, как рассердится его светлость, если мы опоздаем. Да и дамы могут простудиться. Не стоит их задерживать.

– Да-да, конечно, – поддержал Лукас выдумку своего друга, уже сообразив, каким образом он сможет снова увидиться с леди Николь. Он повернулся к леди Лидии, которая если и не оказывала сильного влияния на сестру, зато гораздо меньше его смущала. – Уважаемые дамы, мы почтем за честь навестить вас завтра и просить у вашего брата позволения вчетвером совершить увеселительную поездку в Ричмонд. Как вы смотрите на это предложение, леди Лидия?

– Если она понимает свою выгоду, то согласится, – услышал Лукас шепот леди Николь, прикрывшей рот ручкой, затянутой в элегантную перчатку, и Флетчер опять закашлялся, на этот раз скрывая смех.

– Думаю, милорд, вам следует обратиться с этим предложением непосредственно к нашему брату, – сказала леди Лидия, на что ее сестра укоризненно покачала головой. – Вечером мы обедаем у себя на Гросвенорсквер, и если вы и лорд Ялдинг свободны, мы будем рады, если вы присоединитесь к нам. Тогда вы его и спросите.

Лукас взглянул на леди Николь, которая с изумлением уставилась на свою сестру, и поспешил выразить свое согласие и благодарность леди Лидии, после чего проводил дам к ожидающей их карете с герцогским гербом на дверцах.

– Какая очаровательная проказница эта девушка! – воскликнул Флетчер, глядя вслед карете, которая влилась в негустой поток движения. – А что это за бред вы несли относительно лужи? Не скажу, что разговор был неприличным, но я почувствовал себя неловко, слушая ваш обмен репликами. Она же почти ребенок, Лукас. Это на тебя не похоже.

– Ребенок? – Лукас направился к своему экипажу, решив вернуться на Парк-Лейн и хорошенько обдумать все, что только что произошло с ним. – Эта девушка никогда не была ребенком.

– Да, к сожалению, не всем дано знать, что такое счастливое и беззаботное детство. Но обычно эти несчастные не из герцогской семьи, если ты понимаешь, о чем я говорю. И как я понимаю, ты предлагаешь мне занимать ее сестру, чтобы вы с леди Николь могли беседовать на своем особом языке, так ведь?

Приятели вручили зонты груму, чтобы он отдал их в ближайшую лавку зонтов, где их высушат, снова сложат и заменят другими, новыми. В этом году лавки по продаже зонтов были, вероятно, самыми преуспевающими предприятиями города.

- Да, если тебя это не обременит.

- Нисколько, - сказал Флетчер. - Леди Лидия показалась мне очень хорошенькой. Хотя и сильно отличается от своей сестры. Нужно иметь особое зрение, чтобы разглядеть ее скромную прелесть рядом с броской красотой леди Николь.

- А у тебя оно есть?

- Вряд ли, - признался Флетчер, усаживаясь в экипаже рядом с другом. - Ты же знаешь, я не могу себе этого позволить. Однако я заметил, что твое настроение стало гораздо лучше после встречи с леди Николь. Кажется, ты сказал, что уже не злишься из-за этой истории в Уайте.

- Я сожалею о ней, но должен признаться, мой друг, что ты меня разочаровываешь. Люди не хотят слышать ничего, кроме хороших новостей. Мы предпочитаем закрывать глаза и затыкать уши и в результате продолжаем совершать одни и те же ошибки.

- На этот раз я с тобой согласен, во всяком случае, насчет повторения ошибок. Взять хотя бы моего отца. Ему давно пора было понять, что игорный дом позволил разместиться в своем помещении банку Фаро для того, чтобы выманывать из простаков побольше денег. Нашей семье пошло бы на пользу, если бы он выучил этот урок наизусть. Но кажется, ты не это имел в виду? Тебя, видимо, возмущает наше отношение к простому люду.

- Да, до крайности! Железный кулак не бывает хорошим правителем, Флетчер, тогда как желание помочь слабым в итоге приносит пользу всему обществу в целом. Как этого не понимают в палате лордов?

- Вероятно, не понимают, потому что они состоят членами палаты лордов, а не влачат жалкое существование, как низшие классы, - пожал плечами Флетчер. - Но может, пора уже оставить эту тему? Ты высказал свое мнение, и, судя по всему, оно никого не интересует.

После этого резюме Лукас решил не рассказывать другу о своей утренней встрече с лордом Найглом Фрейни, ровесником своего покойного отца, и о том, какое значение будет иметь эта встреча, если Лукас решит ввязаться в предложенное им дело.

– Возможно, ты прав. Но мне хотелось бы чем-нибудь помочь беднякам, – только и сказал он.

Флетчер хранил молчание до тех пор, пока карета не остановилась перед домом на Аппер-Брук-стрит, где он снимал квартиру. Уже взявшись за ручку дверцы, он обернулся к другу:

– Если ты решительно хочешь найти способ помочь им... внутренний голос говорит мне, что не стоит делиться с тобой сведениями, которые я недавно узнал, но я все равно скажу тебе.

Лукас, который в этот момент погрузился в воспоминания об отце, только удивленно поднял бровь:

– Звучит зловеще и многозначительно.

Флетчер снова опустился на сиденье.

– Сказать по правде, поначалу мне так не показалось. Может, это твои речи заставили меня задуматься? Но как бы там ни было, а на прошлой неделе я был в своем клубе и случайно кое-что услышал о нашем дорогом друге лорде Сидмауте.

– Наш знаменитый министр внутренних дел нам с тобой вовсе не дорогой друг, Флетчер. Я сомневаюсь, нравится ли он своей же матери.

– Это верно. Так ты хочешь знать, что я услышал? Потому что после твоего неожиданного и страстного выступления в защиту бедняков я вовсе не горел желанием говорить тебе об этом. К тому же, скорее всего, это только сплетни, из которых я уловил всего несколько фраз.

– Ну, говори, а я обещаю в ближайшее время не произносить патетических речей.

– И дай-то бог! Так вот, я услышал, что лорды Ливерпуль и Сидмаут договорились провести через парламент новые законы о штрафах и других жестких мерах против тех, кто выражает недовольство деятельностью правительства. То есть против тех самых бедняков, которых ты так горячо защищал в своей блестящей, но неуместной речи.

– Понятно... А ты, случайно, не слышал, каким образом они рассчитывают заставить парламент единогласно проголосовать за эти новые законы? Общеизвестно, что во время очередной сессии на обсуждение вносятся реформы в пользу расширения прав народа, а вовсе не новые санкции.

Флетчер покачал головой:

– Нет, к сожалению, не слышал, но, думаю, они знают, как этого добиться. Сожалею, но больше ничем помочь не могу. – Он снова взялся за ручку. – Мне быть готовым к шести, как думаешь? Или это слишком рано?

Лукас снова глубоко задумался и не сразу его услышал.

– Извини, что ты сказал? Ах да! Да, это слишком рано. Вряд ли герцог обедает раньше восьми.

– Тогда я буду ждать тебя в семь. Может, очаровательная леди Николь заставит тебя забыть о моем сообщении?

– Флетчер, эта девушка любого мужчину способна заставить забыть обо всем!

Флетчер засмеялся и вышел из кареты, тогда как улыбка на лице Лукаса постепенно замерла, когда он стал размышлять о встрече с леди Николь.

Она лишила его опоры – не физически, в результате их столкновения, а морально, направив его мысли в сторону, о которой он и думать забыл.

Что за девушка! При изумительной внешней красоте такая непосредственность и смелость! Ничего общего с жеманными барышнями лондонского света!

И какой обольстительный рот, так и манит к поцелуям! И плутовка наверняка об этом знает, иначе зачем же она то и дело так соблазнительно прикусывает нижнюю губку, любого способную свести с ума!

Но черт, как все это некстати! Теперь, когда лорд Фрейни обратился к нему с просьбой и только сего дня утром неожиданно пообещал сообщить столь важные для него сведения, разве мог он позволить себе думать о чем-то другом?

Нет-нет, это невозможно!

Глава 2

Вынув из прически всевозможные шпильки и заколки, Николь помотала головой, позволив густым черным волосам свободно упасть на плечи и спину, и принялась их расчесывать, старательно расправляя перепутанные пряди. Она могла попросить о помощи свою новую горничную Рене. Но та делала это слишком резко и больно, приговаривая, что женщина должна страдать ради своей красоты, и Николь удалила ее, поручив выгладить свое розовое платье с множеством оборок.

Устроившись перед туалетным столиком, Николь видела в зеркале Лидию, сидевшую в кресле-качалке и, как всегда, уткнувшуюся в книгу. Наводящая тоску картина – ведь они находились в самом интересном городе на свете! Впрочем, Николь это давно не удивляло: тихая и уравновешенная Лидия с детства слыла пропавшей книгочеей.

Николь беззаветно любила свою сестру-двойняшку, для которой прошедший год стал невероятно тяжелым и печальным.

Их брат Раф, вернувшийся с войны, чтобы получить титул герцога и вступить в права владения поместьем, прибыл в сопровождении друга, капитана Свейна Фитцджеральда.

И вдруг тихая и кроткая Лидия, казалось ничего вокруг не замечавшая, кроме своих книг, по уши влюбилась в красивого и мужественного капитана. Их роман не успел расцвести в полную силу, потому что очень скоро капитан погиб. Это произошло во время последнего сражения англичан с войсками сбежавшего из заключения Бонапарта.

Николь до сих пор замечала в огромных голубых глазах сестры тень глубокой печали.

Кто-то возразил бы, что в свои семнадцать лет Лидия не способна была на глубокие чувства, что капитан Фитцджеральд был намного старше ее и, следовательно, ей не пара. Но Николь никогда бы с этим не согласилась. Она всеми силами поддерживала сестру, опасаясь, что горе сведет ее в могилу и она потеряет своего лучшего друга, свою половинку.

В тот ужасный день, когда герцог Малверн появился в их доме на Гросвенорсквер и сообщил им о смерти капитана, потрясенная Николь поклялась, что сама она никогда не уступит этой губительной страсти. Жизнь создана для безмятежной радости и наслаждений. Спрашивается, зачем же ставить себя в зависимость от другого человека, когда это не только лишает тебя спокойствия и уверенности, но может закончиться такими страданиями, как у Лидии!

Нет, она никогда не позволит мужчине взять над собой такую власть, решительно объявила Николь сестре и их невестке Шарлотте.

А те лишь переглянулись и снисходительно улыбнулись. Ведь что оставалось делать юной леди в положении Николь, кроме как выйти замуж? Как сестра герцога, она не могла выбирать самостоятельный путь в жизни, хотя многим ее положение казалось куда как завидным. Муж. Дети. Да, она могла стать хозяйкой великолепного поместья и роскошного особняка в Лондоне, где устраивала бы с мужем большие приемы, появляясь в новых ослепительных платьях, фасоны которых перенимали бы все дамы общества... Да, но... она никогда бы не отправилась в дальнее путешествие по морям, не участвовала бы в войне, не заседала бы в парламенте... хотя о последнем она и не мечтала.

По правде говоря, Николь сама не знала, чем хочет заняться и чего ждет от жизни.

Зато твердо знала, чего не хочет.

Главное, она не хотела быть безрассудной, как мать, и несчастной, как сестра.

А вообще она мечтала о полной свободе, ибо хотела сама понять, что именно нужно ей от жизни. И ничего плохого нет, если пока она подумывает о каком-нибудь невинном флирте, чтобы проверить силу своих чар... Ведь это будет ужасно весело и интересно, не так ли?

Она очень любила свою семью, и больше ей никто не был нужен. Николь никогда не пренебрегала случаем процитировать своей начитанной сестре Фрэнсиса Бэкона: «Имеющий жену и детей – заложник судьбы, ибо семья – помеха на пути великих дел, как добрых, так и злых».

В ответ Лидия справедливо указывала, что Николь – не мужчина (вызывая у Николь злость и досаду, поскольку она видела, что мужчины пользуются гораздо большей свободой) и что она, Лидия, никогда не подозревала, что Николь стремится совершить нечто доброе и великое. Поскольку Николь с детства была известна своей склонностью к различным проказам и своевольным выходкам, чаще всего, услышав из ее уст эту сакраментальную фразу, Лидия просто возводила взор к небу и подчеркнуто тяжело вздыхала.

Сестры-двойняшки были абсолютно разными по характеру. Лидия спокойно принимала существующий порядок вещей и свое место в жизни, никому и никогда не причиняла хлопот. Тогда как Николь со своим неумным темпераментом не терпела никаких ограничений, каждое правило воспринимала как повод к бунту и частенько, правда не намеренно, вела себя столь безрассудно, что окружающие только руками разводили и точно так же сокрушенно вздыхали.

Разница в характерах сестер проявилась с самого раннего детства, и Николь давно уже поняла, что очень удобно жить на свете, когда рядом такая сестра – надежная, хоть и скучноватая, рассудительная, хотя порой излишне, словом, во всех отношениях образец доброты и благоразумия.

Что не объясняло того, что произошло сегодня днем.

– Лидия!

– Николь, минутку, пожалуйста, – пробормотала сестра. Перевернув страницу и прочтя еще несколько строк, она заложила страницу пальцем. – Я как раз читаю про очень интересную и необычную дискуссию.

– Рада это слышать, Лидия. Следовательно, ты читаешь не последний глупый роман мисс Остин?

Лидия покачала головой:

– Его я закончила еще вчера. А эту книгу рекомендовал мне еще капитан Фитцджеральд, автор некий Томас Пейн[1 - Томас Пейн (1737–1809), просветитель радикального направления, участник Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. и Великой французской революции.]. Она называется «Права человека» и... Вот, послушай. – И она открыла книгу на заложенной странице.

На этот раз пришлось вздохнуть Николь:

– Если это похоже на проповедь, то можешь не трудиться.

– Нет-нет! Я хотела тебе прочесть только один отрывок из того, что написал мистер Пейн. Он ясно указывает на необходимость постоянно остерегаться поползновений представителей власти к агрессии против общества и пресекать ее, пока она не достигнет критической степени. Прочитать тебе?

Николь подавила улыбку.

– Нет, мне кажется, я поняла его мысль. Лидия, я, конечно, не считаю себя достаточно образованной, но ты не думаешь, что твоего мистера Пейна могут счесть подстрекателем революции и противником правительства?

– Я предпочитаю думать, что он призывает нас только к постоянной бдительности, – возразила ее сестра, снова захлопнув книгу. – Но может, ты и права. Ведь Америка восстала против нас, а Франция – против своего короля.

– Если уж на то пошло, то здесь этого никто не собирается делать. У нас хороший и справедливый король.

– В самом деле, Николь? А вот я вчера искала в кармане передника у горничной пуговицу, которую она собиралась пришить на мою синюю ротонду, а нашла там вот это! Как думаешь, почему? Вот потому-то я и читаю предостережения мистера Пейна.

С этими словами Лидия извлекла из кармана сложенный несколько раз лист бумаги и передала его Николь. Та недоумевающе взглянула на сестру, а затем на напечатанный бледным шрифтом призыв ко всем присоединиться к обществу «Граждане за справедливость» и «поднять оружие против гнета правительства, вынуждающего голодать наших детей и притесняющего всех честных людей».

Быстро пробежав глазами остальной текст, она поняла тревогу Лидии.

– Значит, ты нашла это в переднике своей горничной?

– Да. И завтра хочу показать эту листовку Рафу. Он объяснит, что все это значит. Революция ужасна, Николь, даже если она необходима. И она не где-то там, вдали от нас. Она может случиться и здесь.

– Да, я помню это по нашим урокам, – сказала Николь, стараясь не показать Лидии, как встревожила ее листовка. – Но неужели ты действительно считаешь, что...

– О нет! Конечно нет! Иначе я не говорила бы о своих опасениях вслух. Впрочем, тебе это неинтересно. Как жаль, что с нами нет капитана Фитцджеральда! Он бы мне все объяснил.

У Николь сердце упало.

– Но, Лидия, я же не говорила, что политика меня не интересует! Или ты считаешь меня законченной эгоисткой, которая думает только о себе? И что меня не могут волновать сообщения об обездоленных людях и тех, кто призывает народ к революции? Неверно. Лидия, правда, это вовсе не так!

Сестра поспешно согласилась, и Николь подумала: наверное, все считают ее пустой и легкомысленной девицей, интересующейся только развлечениями и ничем другим. Неужели человек, который предпочитает вести жизнь спокойную,

без каких-либо сложностей, в глазах окружающих является безнадежным эгоистом? И еще. Действительно ли эгоизм – преступление, если он проявляется только в желании защитить себя?

Да, наверное, многие именно так на это и смотрят. Ей стало ужасно неприятно и стыдно.

– Николь, ну не дуйся! Я вовсе не хотела тебя обидеть. Ты у меня такая замечательная, такая преданная сестра! Кто всегда заступает за меня, когда мама начинает брюзжать и обзывать меня «синим чулком», стоит ей увидеть меня за книгой? Если бы от нее что-то зависело, мы с тобой говорили бы только о погоде! Как будто о ней можно сказать что-то другое, помимо желания, чтобы поскорее прекратился дождь и выглянуло солнце...

Николь повеселела и поспешила задать вопрос, который уже давно вертелся у нее на языке:

– Скажи, Лидия, почему ты вдруг решила пригласить маркиза с виконтом на ужин? Не то чтобы я недовольна, напротив, но это было так на тебя не похоже!

Взглянув на часы на каминной полке, Лидия поднялась на ноги.

– Да, действительно. Сама не знаю, почему я их пригласила. Разве только... почувствовала, что тебе хотелось бы снова встретиться с маркизом. По нему сразу было видно, что уж он-то с радостью увиделся бы с тобой еще раз. Еще не было такого мужчины, который, увидев тебя однажды, не мечтал бы о большем.

– О чем – о большем, Лидия? – с невинным видом переспросила Николь, скрывая внезапную радость. – Значит, ты тоже заметила? Я имею в виду интерес ко мне маркиза?

– Это заметили и я, и бедный виконт Ялдинг, который так смутился. И ты сама это сразу поняла, потому и принялась издеваться над ним.

Неужели она издевалась над маркизом? Николь не хотелось признаваться, но она не могла ни единого слова вспомнить из того, что ему говорила. Ей достаточно было просто смотреть на него.

– Ты намерена сделать его своей первой жертвой за время пребывания в Лондоне?

Николь подняла тяжелую массу блестящих волос на макушку, потом сразу отпустила их и тряхнула головой так, что вьющиеся пряди свободно упали ей на плечи и спину. Хаотичными движениями она пыталась скрыть от Лидии всплеск сомнения, в которое внезапно повергли ее слова сестры. Она всеми силами старалась выкинуть из головы мысли о маркизе Бэсингстоке, неожиданно для нее так поразившем ее воображение.

– Сказать правду, Лидия? Для своей первой победы я выбрала герцога Малверна. В конце концов, он друг Рафа, уже встречался с нами и знает нас. К тому же нельзя отрицать, что герцог очень красив. Мне кажется, на нем я смогу отлично попрактиковаться.

Внезапно побледнев, Лидия вскочила на ноги.

– Герцог Малверн?! Ни в коем случае, Николь! Он самый ужасный человек на свете! Как тебе это в голову пришло! Больше я не намерена обсуждать твои вздорные планы и ухожу спать.

Николь совсем забыла о том, что для Лидии он был живым напоминанием о ее горькой утрате. Во всем виноват маркиз Бэсингсток, рассердилась она. Стоит ей подумать о нем, и она совершенно перестает соображать!

– Лидия, погоди!.. – закричала она, но сестра уже скрылась в своей комнате, смежной со спальней Николь. – Как я могла быть такой глупой! – укоряла себя Николь, снова усевшись на низкий стул перед туалетным столиком и подперев подбородок руками, рассматривая свое отражение в зеркале. – Нужно будет обязательно перед ней извиниться. Может, предложить ей еще раз зайти в книжную лавку Хэтчерда? Видит бог, для меня станет достаточно суровым наказанием проторчать там несколько часов, пока она будет ахать над каждой книгой!

Приняв это решение, она наклонила голову набок, пытаясь понять, что могло так сильно поразить в ней маркиза Бэсингстока, как сказала Лидия. Ее глаза? Она сама находила их цвет очень красивым и необычным. Николь вообще приятно было думать, что она не похожа на других девушек, что она единственная в

своем роде.

Но эти проклятые веснушки! Они отравляли ей жизнь, особенно после того, как мама – в те редкие дни, когда удостаивала дочерей своим вниманием, – стала требовать, чтобы она дважды в неделю наносила на лицо маску из мятой клубники со взбитыми сливками. Может, он не заметил их?

И все же, если бы ей пришлось выбирать между нежной безупречной кожей, как у Лидии, и счастьем носиться без шляпы верхом на Джульетте по полям Ашерст-Холл, подставляя лицо солнечным лучам и упоительно свежему встречному ветру, она предпочла бы свои веснушки. И ей безразлично, как относятся к ним остальные!

Но вот от чего ей обязательно нужно избавиться, так это от детской привычки прикусывать нижнюю губу от смущения или неуверенности – вряд ли это принято среди благовоспитанных лондонских дебютанток.

Так или иначе, но маркиз нашел ее привлекательной; не такой глупышкой она была, чтобы не понять этого. И сам он очень хорош собой, даже красавец, одет с большим вкусом, и манеры у него настоящего светского джентльмена. Будет замечательно, если именно он станет ее первой лондонской жертвой.

Если только он не счел ее тщеславной, глупой и слишком смелой.

– Прекрати! – приказала она себе. – Какая разница, что он о тебе думает! Ты приехала в Лондон веселиться, а вовсе не влюбляться, как бедная Лидия.

Однако прежде чем вызвать звонком Рене, чтобы та приготовила ей ванну, она взяла со стола забытый Лидией тоненький томик и уселась в кресло, надеясь немного отвлечься от досадных размышлений.

Войдя в гостиную на Гросвенор-сквер, Лукас внезапно остановился и пробормотал:

– Черт возьми, как же я не сообразил! Ведь она сказала «Рафаэль», верно? Капитан Раф Дотри! Ну конечно!

Рафаэль Дотри, получивший в этом году титул герцога Ашерста и солидное состояние, еще недавно находившийся без средств и за неимением других перспектив шесть лет служивший в армии Веллингтона, приветствовал маркиза небрежным взмахом руки:

– Майор! Вечер добрый, сэра.

– В чем дело? – растерянно спросил виконт Ялдинг. – Разве вы знакомы? Почему же ты мне не сказал?

– А потому, мой дорогой Флетчер, что я сам только что догадался. – Лукас обменялся с хозяином дома крепким рукопожатием. – Раф Дотри! Господи, сколько же прошло лет? В последний раз мы виделись, когда вы со своим другом из Ирландии покидали Париж в то самое время, как я входил в него. Опять забыл его имя... А! Фитцджеральд! Такие отчаянные солдаты, как он, редко встречаются. Абсолютно бесстрашный. Он жив, здоров?

Раф медленно покачал головой и кинул предостерегающий взгляд, указывая на появившихся в гостиной дам.

– Мы потеряли Фитца при Катр-Бра. Он собирался обручиться с моей сестрой Лидией.

Лукас испытал острую горечь, как всегда, когда узнавал о гибели еще одного отважного солдата. Даже сейчас, спустя почти год, приходилось часто слышать о тяжелых утратах.

– Прими мое самое искреннее сочувствие, Раф. Больше мне нечего сказать.

Он быстро представил ему Флетчера, затем все обернулись поздороваться с дамами.

Их было три. Леди Лидия с молодой беременной супругой Рафа Шарлоттой и леди Николь. Лукас склонился над рукой Шарлотты, попросив ее не трудиться присесть в реверансе, подвел к креслу, заботливо усадил и только потом приветствовал улыбкой девушек.

Он надеялся, что его улыбка была принята обеими, хотя сам видел только леди Николь.

Если днем она была очень привлекательной, то сейчас казалась просто неотразимой. Ему и в первый раз хотелось увидеть ее без шляпки, но он не был готов к тому впечатлению, которое произвели на него эти роскошные упругие пряди, убранные с безыскусной простотой по последней французской моде, восхитительно обрамляющие это совершенное в своей красоте личико и подчеркивающие темно-фиалковый цвет ее глаз.

Ее муслиновое платье цвета персика было простым и скромным, как и полагалось юной debutантке, чего никак нельзя было сказать о ее фигуре. Над тонким шелковым кушаком, повязанным сразу под корсажем, выдавались высокие полные груди, а эта россыпь мельчайших нежных веснушек на коже выше выреза лифа пробудили в нем страстное желание узнать, покрывают ли они все ее тело, даже там, куда нет доступа солнечным лучам...

Тем временем подали напитки – вино для джентльменов, лимонад для леди, и Раф принялся вспоминать свои встречи с Лукасом на Пиренеях. Он очень живо рассказал о забавном эпизоде, когда они захватили караван мулов с продовольствием, и о том, как солдаты делили пищу, предназначенную для императора, а доставшуюся – неприятелю.

– И вы, мой супруг, конечно, стояли в сторонке и просто наблюдали за этим возмутительным разбоем, – весело заметила Шарлотта.

Раф поднес ее белую изящную ручку к губам жестом, по которому Лукас понял, что его друг не скрывает своей любви к красавице жене.

– Ну разумеется, дорогая! Я всегда был образцом респектабельности, несмотря на холод и голод и даже утопая в грязи по колено.

– Не нужно, не притворяйтесь! – улыбнулась Шарлотта. – Я думаю, мы должны аплодировать той выносливости, находчивости и смелости, какие все вы проявляли в самых тяжелых условиях.

– Благодарю вас, дорогая. Но это Лукасу пришла в голову блестящая мысль напасть на караван с провиантом. Он похитил даже королевского повара.

Вообразите, тот не говорил по-английски, мы ни слова не знали по-испански, и все-таки нам как-то удавалось понимать друг друга. Такой вкусной и сытной еды мы не видели уже бог знает сколько месяцев.

– Насколько я помню, я продержал его у нас почти все лето, – заметил Лукас. – К тому времени мы уже достаточно хорошо понимали друг друга, и он сказал, что его жена и, кажется, с дюжину детишек живут в деревне, прямо за горой, у подножия которой мы как раз раскинули лагерь. Вот тогда мы с ним и расстались. Но я до сих пор с восхищением вспоминаю его жареную курицу. Когда он ушел, я больше всего скучал по курам, которых он так ловко воровал и готовил из них самые лакомые блюда.

К тому времени как дворецкий объявил, что обед подан, все решили обходиться без титулов, и за стол с горячим прозрачным консоме уселась дружная и очень веселая компания.

– Куриный бульон! – заметила Николь, когда Лукас погрузил в него ложку. – Вам предоставляется еще одна возможность с тоской вспомнить о вашем поваре-испанце.

Лукас вопросительно посмотрел на нее:

– Вам не понравилась наша история?

– Нет, почему же, – тихо сказала она, не поднимая глаз от тарелки. – Но мне показалось странным, что во всех ваших историях совершенно не фигурировал капитан Фитцджеральд. Вы меня понимаете?

– Меня вовремя предостерег ваш брат. – Лукас бросил многозначительный взгляд на сидящую напротив леди Лидию, которая увлеченно слушала Флетчера, что-то тихо ей рассказывающего и, по обыкновению, оживленно жестикулирующего. – Он всегда возбуждается, когда говорит на интересующую его тему, – сказал он, указывая на Флетчера, – и лучше убрать из-под его руки бокалы с вином. Однажды, когда он описывал боксерский поединок, который видел в Эпсоме, он вот так же размахивал руками и столкнул прямо на колени леди Хартфорд тяжелый канделябр. Ей это явно не понравилось.

– А меня бы только рассмешило. Кстати, я не вижу ничего хорошего в том, чтобы постоянно избегать упоминания в разговоре имени капитана. Думаю, брат слишком уж оберегает Лидию. Как сможет зажить ее душевная травма, если все и дальше будут нянчиться с ней, скрывать от нее свои воспоминания о капитане Фитцджеральде, делать из него героя, забывая, что он был просто человеком из плоти и крови? Я не нахожу это доброй услугой ни для самого капитана, ни для Лидии. Она всегда будет его любить и помнить, но пора уже ей улыбаться, когда она услышит его имя. Пора ей осознать, что он был не только ее возлюбленным, а храбрым воином, геройски погибшим за свою страну.

Лукас с некоторым недоумением выслушал эту страстную тираду. Да уж, в этом доме не принято было вести за столом вежливые светские разговоры ни о чем.

– Наверное, вы правы, леди Николь. Но разве вы не боитесь случайно расстроить вашу сестру?

– Разумеется, боюсь и не хотела бы этого. Во всяком случае, сейчас. Но думаю, нам не нужно особенно церемониться и опасаться затрагивать эту тему при нашей следующей встрече. Постоянно избегать упоминания имени капитана – значит обманывать Лидию и создавать затруднения для окружающих.

– А когда мы снова увидимся? Ах, передо мной сверкнул луч надежды! Означает ли это, что вы уже получили разрешение на завтрашнюю поездку в Ричмонд?

Она улыбнулась, и на щеке ее обозначилась милая ямочка.

– Да, Раф находит вас надежным спутником, другими словами, совершенно безопасным и безвредным. Как вам нравится, милорд, что вас считают таким невинным и безобидным? Мне любопытно это узнать, потому что по отношению ко мне, увы, подобного определения никто не применял.

– С чего бы? – с шутливым недоумением спросил Лукас, когда убирали суповые тарелки и подавали второе блюдо. Самому ему есть совершенно не хотелось, но, возможно, аппетит присутствовал у его соседки, которая намеренно провоцировала его, желая узнать, насколько далеко она может зайти, прежде чем повергнуть его в шок.

Игра становилась все увлекательнее.

– Лукас, – позвал Флетчер, перегнувшись через стол. – Ты не поверишь! Представь себе, леди Лидия читает Томаса Пейна! Ты слышал что-нибудь подобное?

– В самом деле, леди Лидия? – с интересом, хотя и не очень удивившись, откликнулся он. – Некоторые считают его самое известное сочинение «Здравый смысл» главной причиной, подтолкнувшей американских колонистов восстать против Англии. Вы знали об этом?

Порозовев от волнения, Лидия прямо взглянула в глаза Лукасу:

– Но согласитесь, есть вещи, о которых нельзя молчать, если вы желаете устранить несправедливость. Как писал мистер Пейн, мы не можем позволить себе роскошь быть благодушными и безгранично доверять власти.

– Да, я помню. «Давняя привычка ни о чем не думать дурно дает нам обманчивое впечатление своей правоты».

– Вы цитируете его по памяти, Лукас? – поразился сидящий во главе стола Раф. – Только не говорите, что он – ваш отдаленный предок.

– Вовсе нет, хотя одинаковая фамилия время от времени вынуждала мою семью выступать в защиту его памяти. Мне очень нравятся некоторые его сочинения, но я предпочел бы, если бы он прекратил писать до того, как дал выход своей раздражительности и депрессии в «Правах человека». Вы знаете, что в то время для англичанина было преступлением обладать экземпляром этой книги?

– У Лидии она есть, – тихонько сказала Николь. – Я только сегодня днем читала ее.

Лукас удивленно поднял брови. Он догадывался, что она непременно поразит его чем-нибудь, но не ожидал, чтобы это произошло так скоро.

– В самом деле? И вы достаточно прочитали, чтобы составить мнение о книге?

Николь прикусила нижнюю губку, потом кивнула:

– Сказать вам правду? Возможно, сестра не согласится со мной, но, насколько я успела понять, автор излагает подстрекательские идеи, состоящие из смеси горькой истины с весьма опасным вздором.

Лукас искренне расхохотался:

– Раф! Ты слышал? Я сам не сказал бы лучше!

– Ты-то как раз и сказал, – заметил Флетчер, с любопытством глядя на Николь. – Просто невероятно!

Лукас перехватил растерянные взгляды, которыми обменялись Раф и его очаровательная жена, как будто они ничего подобного от Николь не ожидали. В то же время их не удивило, что ее сестра читает сочинения Пейна. И не только его?

Он решил выяснить это.

– Раз уж вы читали Томаса Пейна, – обратился он к Николь, – могу я предположить, что вы также читали работы Виланда, Гиббона и Берка?

– Можете. Можете предположить все, что вам заблагорассудится, – живо ответила она, и он понял, что его очень твердо поставили на место. И кто? Совсем еще юная девушка, которую любому грубому фигляру вряд ли удалось бы так легко вывести из равновесия, как его самого!

– Прошу прощения. Мне не следовало этого делать, – повинулся он, а она вдруг сжала ему руку и наклонилась ближе.

– Да и мне не нужно было прикидываться той, какой я не являюсь. Думаю, из нас двоих весь ум достался Лидии, а мне пришлось довольствоваться обыкновенной сообразительностью. Но я говорила убедительно, не правда ли? А слово «подстрекательские» пришло мне в голову в последний момент.

Вот так-то! Лукас с самого начала оказался в плену у этой девушки с ее редкостной красотой, но сейчас, глядя в эти изумительные глаза, в глубине которых прыгали озорные чертенята, он понял, что погиб – окончательно и

бесповоротно.

Глава 3

Словно в наказание Николь за дерзкое поведение за обедом, следующие два дня лил такой беспросветный и сильный дождь, что ни один нормальный человек без крайней надобности не решился бы выйти из дому. Что уж тут говорить о поездке в Ричмонд.

Расстроенная, она заперлась в своей комнате с взятым у Лидии романом Джейн Остин «Эмма» и читала до тех пор, пока все герои не сочетались браком со своими возлюбленными и Эмма наконец-то осознала все обаяние мистера Найтли.

Роман ей совершенно не понравился. Все эти переживания насчет того, подходит ли леди А. джентльмену Б., и стремление оградить леди В. от явно неподходящего ей кавалера Г. казались ей безнадежно глупыми и нелепыми.

Неужели женщинам больше нечем заняться, кроме как волноваться по таким пустякам? Она лишний раз убедилась, что решение никогда не выходить замуж избавит ее от подобного бесцельного и бессодержательного образа жизни, чему она будет бесконечно рада.

Хотя, считая себя более способной в области сватовства, чем Эмма, Николь подумала, что интересно было бы найти подходящего мужа для Лидии. Ибо, хотя лично она не имела ни малейшего намерения погружаться в матримониальные заботы, ее сестра явно нуждалась в том, чтобы ее любили и чтобы сама она кого-то любила.

Николь вспомнила про виконта Ялдинга, который казался вполне приятным человеком, правда, немного нервным. Будет ли он для Лидии подходящей парой? После того обеда она ни разу о нем не заговорила.

Зато Лидия несколько раз упоминала маркиза Бэсингстока. Он был военным, как капитан Фитцджеральд. Он читал Томаса Пейна, как капитан Фитцджеральд. Он

относился к ней очень любезно и, по-видимому, пришел в восхищение от ее ума. Как капитан Фитцджеральд. Но что это может означать, кроме того, что Лидия по-прежнему не может забыть бедного погибшего Фитца?

К утру третьего дня, отмеченного появлением на облачном небе солнца, когда на Гросвенор-сквер прибыли оба джентльмена в изящных колясках, Николь успела убедить себя, что Лукас Пейн – самый заурядный человек и что ее неожиданно сильный интерес к нему не что иное, как заблуждение. Она намеревалась завоевать весь мир, а не какого-то одного человека, пусть даже такого обаятельного, как Лукас. Поэтому нечего ей постоянно думать о нем, как было всего после двух встреч.

Николь всегда гордилась своей самостоятельностью и независимостью. Так почему же одна мысль, что она снова увидит этого человека, вызвала у нее столь сильное волнение и даже учащенное сердцебиение?

Ну нет, довольно женских глупостей! Сегодня она докажет, кто хозяин положения.

Размышляя так, Николь смотрела, как Лидия завязывает ленты своей шляпки с голубой оборкой – ее выбирал для возлюбленной сам капитан Фитцджеральд, – и пыталась представить свою сестру замужем за маркизом Бэсингстоком.

Ощувив легкий, но ощутимый укол в сердце, она на секунду прикусила нижнюю губку, но затем решительно продолжила рассматривать эту идею.

Вспомнив внушение Шарлотты и Рафа о том, что не подобает вынуждать лошадей кавалеров слишком долго томиться у подъезда, она поспешила к лестнице и самым невинным тоном задала свой первый вопрос:

– Кстати, Лидия, что ты думаешь о маркизе?

Положив руку на перила, Лидия остановилась.

– Что я о нем думаю? Извини, Николь, но мне кажется, я совсем о нем не думаю, во всяком случае, ничего такого, что могло бы иметь значение. А сама ты что о нем думаешь?

Вместо ответа, Николь снова спросила:

- Ты не находишь, что он очень хорош собой?

Лидия взяла ее за руку и отвела в сторону.

- Николь, что случилось? Я думала, он тебе понравился еще в нашу первую встречу с ним. А во время обеда он показал себя интересным и учтивым собеседником. Раф ему симпатизирует, Шарлотта тоже. Или ты хочешь поступить всем наперекор и вообразить, что тебе он не нравится, раз он нравится всем остальным?

- Я никогда так не поступаю! - возмущенно возразила Николь.

- Ну да, если забыть о твоём отношении к вышиванию и к вареной репе. Но иногда ты меня очень беспокоишь. Дорогая, ты вовсе не обязана завоевывать каждого встречного мужчину. Если ты решила, что его светлость не будет твоей первой... жертвой, как ты это называешь, тогда, пожалуйста, можешь с ним больше не видеться. Хотя я этого не одобряю.

- А я и не собираюсь завоевывать каждого... Знаешь что, Лидия? Иногда я сама себе не нравлюсь. Этот сезон обещал быть очень интересным и веселым. Лондон, балы, всякие развлечения... Я ждала этого с самого детства, как ничего другого! Я не задумывалась о дальнейшей жизни, как все мне твердили. А потом появился он. Ах, если бы я могла отказаться от поездки! Он сбивает меня с толку, этот несносный человек!

Лидия внимательно посмотрела на сестру, затем улыбнулась:

- Николь, да ты не влюблена ли?

- Не говори глупостей!

- Я и не говорю, но, думаю, здесь что-то есть. Подумать только, какие планы ты строила, как хвасталась - и достаточно одного мужчины, чтобы все твои планы рассеялись, как дым! Теперь ты понимаешь, Николь? Выбираешь не ты, а твоя судьба.

– Может быть, за кого-то и судьба, но только не за меня. Ну все, идем. Нам же сказали, чтобы мы не заставляли лошадей застаиваться.

– Я и не собираюсь медлить. Почему-то я дожидаться не могла этой прогулки! – сказала Лидия, возвращаясь к лестнице, и Николь вдруг заметила, что ее сестра, вообще не отличавшаяся бодростью и энергией, а с прошлого июня ставшая еще более тихой и грустной, повеселела и в глазах ее появился живой блеск.

– Ну а я – нисколько! – проворчала Николь только для того, чтобы доставить своей сестре удовольствие от собственной пронизательности, и последовала за нею вниз.

Лукас в очередной раз взглянул на Николь, чье лицо почти полностью скрывали широкие поля модной шляпки из соломки.

Сегодня она весьма холодно поздоровалась с ним, поднялась в коляску так быстро, что он не успел ей помочь, и до сих пор не сказала и десяти слов.

Ее сестра и Флетчер ехали следом за ними, и каждый раз, когда он оборачивался посмотреть, не разделили ли их другие экипажи, он видел, что они оживленно разговаривают, а Флетчер размахивает своими длинными руками, очевидно знакомя ее с достопримечательностями города.

Судя по безразличному выражению обычно живого лица Николь, ее совершенно не интересовали ни город, ни его жители. А главное – он сам. Она сидела, чинно сложив руки на коленях и устремив взгляд на дорогу, и всякий раз, когда он пытался завязать разговор, отвечала или молчаливым кивком, или односложными словами.

Спустя тридцать минут терпение Лукаса лопнуло.

– Ваш брат предупредил вас, чтобы вы вели себя прилично?

Она повернулась к нему, явно задетая за живое:

– Что такое?! Почему вы спрашиваете?

– Не знаю. Если бы я был вашим братом – к счастью, я не он, потому что это было бы крайне неловко, принимая во внимание мою далеко не братскую симпатию к вам, – при ваших манерах я вообще не разрешал бы вам выходить из дому.

Николь едва заметно улыбнулась.

– Думаю, милорд, вам не следовало этого говорить.

– Разумеется, не следовало. Но если уж вы решили относиться ко мне с неприязнью, я тоже могу себе позволить удовольствие говорить с вами честно и откровенно.

– Я вовсе не отношусь к вам неприязненно, – вызывающе вздернув подбородок, заявила она. – Иначе я не поехала бы с вами в одной коляске. Я никогда не делаю того, чего не хочу.

Он не удержался от того, чтобы не поддразнить ее:

– Ага, следовательно, сегодня у вас было желание поехать со мной! В таком случае прошу извинить мою ошибку – мне показалось, мое общество неприятно вам.

Она опять прикусила губку и вновь устремила взгляд на дорогу.

– Вы бываете положительно невыносимым! – надменно пробормотала она.

Лукас не помнил случая, чтобы когда-либо слышал от женщины подобные замечания. Скорее всего, такого просто не случалось. Ни его мать, ни няня, ни одна из молодых леди, неукоснительно соблюдающих вежливые и приятные манеры – по правде, наводящие на него отчаянную скуку, – чтобы завлечь его в сети брака, не осмеливались разговаривать с ним таким тоном.

– Что ж, еще раз прошу меня извинить, – сказал он, подстегнув лошадей, как только они выехали за пределы Лондона. – Еще что-нибудь?

– В каком смысле? А! Вы хотите сказать, раздражает ли меня в вас еще что-нибудь?

Лукас с трудом сохранял хладнокровие.

– Не думаю, чтобы я именно так выразился. Впрочем, да. Прошу вас, не стесняйтесь, загляните в список моих прегрешений и разом излейте на меня все свое возмущение. Это будет милосерднее.

Он не удивился бы, если бы от гнева у Николь пар вырвался из ноздрей, но она набрала воздуха и стала загибать пальчики в перчатках, перечисляя свои претензии:

– Во-первых, вы очень странно смотрите на меня, и это выводит меня из равновесия. Во-вторых, я приехала в Лондон развлекаться, а не подцепить себе мужа, поэтому для меня не имеет никакого значения, как вы ко мне относитесь. В-третьих, мне не нравится то, как я... Нет, это все. Я закончила.

– Вы уверены? А мне все-таки хотелось бы услышать третий пункт ваших претензий.

– Тогда вас ожидает разочарование, – твердо заявила Николь и вдруг вздохнула. – Вы когда-нибудь мечтали о чем-либо, милорд? Причем очень долго, на протяжении многих месяцев, даже лет! Вы мечтаете... Нет, скорее, очень точно представляете себе, какой будет ваша жизнь, потому что вы уверены в себе и в своих желаниях, четко сознаете, почему вам хочется именно такой жизни. А потом... А потом все вдруг идет совсем не так...

Лукас сразу догадался, что неожиданно для себя самой девушка затронула вопрос, имеющий для нее первостепенное значение. Поэтому он постарался ответить ей как можно более беззаботно, намеренно решив не упоминать о мечтах и ожиданиях отца и своих собственных, чтобы его ответ не прозвучал слишком серьезно.

– Нет, пожалуй, так мне не приходилось мечтать. Видите ли, жизнь моя складывалась довольно приятно и благополучно. Я не боюсь разочароваться в своих желаниях, и, поскольку у меня есть почти все, что мне нужно, я нахожу нецелесообразным тратить время на мечты о чем-то еще. Это было бы уже

эгоизмом, что я нахожу признаком дурного тона.

Она быстро взглянула на него, и в ее красивых глазах промелькнуло выражение боли.

– Вот как? Значит, я эгоистка? Что ж, пожалуй. Я думаю только о себе и о своих удовольствиях. Я забочусь только о своем счастье. Мне хочется веселья, удовольствий, приключений и... ощущения полной свободы. И вы... Вы меня раздражаете, потому...

И вдруг Лукаса осенило. Николь действительно приехала в Лондон развлекаться и, в отличие от других дебютанток, вовсе не мечтала о замужестве. А он встал у нее на пути, не дает ей жить спокойно и беззаботно.

Он отлично понимал девушку и даже сочувствовал ей – ведь Николь тоже совсем не вовремя появилась в его жизни.

Принимая во внимание ее откровенность, Лукас решил не притворяться, что не понимает ее состояния.

– Вы считаете, мне лучше исчезнуть и снова появиться года через два? – спросил он, свернув на малоезженую тропу, ведущую через луг. – По правде говоря, меня бы это устроило.

– Обычно люди не говорят друг с другом вот так... открыто и честно. – Николь в замешательстве сплела пальцы рук. – Лидия в обморок упала бы, если бы услышала наш разговор. А Шарлотта закатила бы глаза и стала бы отчитывать меня за то, что я вечно ухитряюсь поставить себя в неловкое положение и никак не научусь вести себя прилично. И Раф... Но нет, Рафу об этом не сказали бы, чтобы не расстраивать его. Мужчинам спокойнее, когда они ничего не знают.

Лукас скрыл улыбку, пощипав себя за верхнюю губу.

– И все стали бы говорить вам, что вы неисправимы, да?

– Да, и еще много всего в этом духе. Но думаю, вы можете не исчезать. Все равно вы уже испортили мне все веселье.

Если бы Лукас вздумал пересказать этот разговор Флетчеру – чего он, естественно, не собирался делать, – его друг сказал бы, что леди Николь отчаянно в него влюбилась... что дало бы ему возможность и дальше поддразнивать Лукаса намеками на их отношения с Николь. Флетчер до сих пор ломает голову над смыслом их разговора о луже, чувствуя в нем не очень приличный подтекст, но никак не может понять, в чем здесь соль.

Но Лукас был далек от того, чтобы поверить в любовь Николь. Настоящая любовь так быстро не возникает. Между ними с первого взгляда зародилась взаимная симпатия, возможно, даже влечение, но это еще не любовь.

Сейчас Лукасу было не до любви, как, видимо, и Николь. Не ее вина, что она молода и неопытна и потому не догадывается о физической природе возникшего между ними влечения. И если бы он просветил ее на этот счет, она имела бы полное право ответить ему пощечиной и разорвать с ним знакомство.

– О каких развлечениях вы думали, когда ехали в Лондон? – спросил он наконец, отбросив другие темы, которые могли оказаться для него западной.

Она снова пожала плечами, но затем все-таки заговорила:

– Ну, о всяких приключениях. Обо всем новом, интересном и... захватывающем. Ведь я всю свою жизнь провела в деревне. Например, мне никогда не приходилось править лошадей, тем более кататься в коляске.

– Да ну? И вы думаете, мне стоило бы научить вас этому искусству?

Она живо повернулась к нему:

– Однажды я правила лошадью, запряженной в карету Рафа! Это было в Ашерст-Холл.

– Леди Николь, – совершенно серьезно сказал Лукас, – если я помогу вернуть вам веселое настроение, которое, как вы утверждаете, я вам испортил, благоволите больше не огорчать меня столь явной ложью. Договорились?

Она ослепительно улыбнулась ему.

– Наш кучер Джон разрешал мне садиться рядом и учил меня держать вожжи. А потом я привязала старые вожжи к стулу у себя в спальне и упражнялась несколько месяцев, пока не убедилась, что все делаю правильно. Это почти то же самое, что управлять на деле.

– Да, примерно так же, как мел похож на сыр. Что ж, посмотрим, чему научил вас кучер.

Надеясь, что она хотя бы отчасти сказала правду, он передал ей вожжи и с удивлением увидел, как ловко она пропустила их между пальцами.

Его призовая пара гнедых мгновенно почувствовала разницу в манере держать вожжи, и Юпитер, левый передний, сразу ускорил рысь, чтобы испытать нового возницу.

– Ну нет, не шали! – закричала Николь, натянула вожжи и без труда осадила Юпитера. – Ты же не хочешь попробовать хлыста, верно? – спросила она, взглянув на длинный кнут, стоявший в стойке справа от Лукаса.

– Отлично! – похвалил Лукас и спросил, не желает ли она попробовать хлестнуть лошадь, но девушка покачала головой, не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги. – Скоро будет крутой поворот налево. Вы все еще играете?

– Если вы не отказались! – восторженно ответила Николь. – Наверное, Лидия там умирает от страха!

– Бедняжка! Она может оказаться в опасном положении, если, глядя на нее, Флетчер упадет в обморок и рухнет с сиденья. Он у нас такой впечатлительный! – заметил Лукас, придя в отличное расположение духа. – Ого, леди Николь, превосходно! Только вы свернули слишком резко и колесами проехали по кустам.

– Правда? Нужно будет это отработать. А у леди из высшего общества принято самим править лошадьми?

– Пожалуй, среди очень немногих, да и те уже давно не дебютантки.

– Это хорошо. Значит, я буду первой, – сказала она.

Он указал ей на широкий луг и объяснил, что нужно натянуть вожжи и остановиться.

Лукас ставил коляску на тормоз, когда к ним приблизился экипаж Флетчера.

– Кажется, я догадываюсь! Вы хотите, чтобы я сказал вашему брату, что вам нужно иметь собственный выезд.

Она на мгновение нахмурила брови – это было восхитительно, – затем у нее на щеке появилась ямочка.

– Я об этом не подумала. Неужели вы это сделаете?

– Нет, конечно, даже если бы вы приставили мне к виску пистоль и уже сосчитали до двух, – весело ответил он. – Но если вы согласитесь еще раз покататься со мной, я позволю вам править моими лошадьми. Я говорю про парк. Улицы Лондона – это совершенно другое дело.

– Лукас! – крикнул Флетчер. – Я ошибся или действительно видел, что леди Николь держала поводья? Ее брат сломает тебе шею, если она сломает свою!

– Да, Флетчер, спасибо за предупреждение, – кивнул Лукас и осведомился, не желает ли кто-нибудь остановиться и подкрепиться в маленькой гостинице в миле от Лондона, которую они будут проезжать.

Все единодушно выразили мнение, что это было бы замечательно, и Лукас стал разворачиваться на лугу, чувствуя, что Николь следит за каждым его движением, очевидно запечатлевая его в памяти. Эта чудесная девушка действительно серьезно относилась к развлечениям, как она их понимает.

– Благодарю вас, – сказала она, когда они возвращались прежней дорогой. – И знаете, я была бы вам очень благодарна, если бы вы показали мне место, где моя Джульетта могла бы вволю набегаться. Она, наверное, обижается на меня, потому что я давно не выезжала из-за этой несносной погоды. И у меня такая изумительная амазонка, что все шею выворачивают, чтобы поглазеть на меня!

– В самом деле? Вы хотите меня предостеречь или быть уверенной, что я произнесу подобающий комплимент, когда увижу вас в ней?

– Милорд? – спросила она, вместо ответа. – Вам не нравится моя правдивость? Признаться, я редко бываю правдивой, так что у меня это получается не очень удачно.

– Леди Николь, я готов пари держать, что у вас все получается исключительно удачно! А лучше всего вам удастся вывести из равновесия человека, уверенного в собственной неуязвимости.

– О! – Она прикусила губку, затем кивнула. – Поняла. Что ж, это справедливо.

Лукас рассмеялся, направив лошадь во двор постоялого двора.

– Значит, мы в расчете? – спросил он. – Нам остается только спросить себя, что с нами будет дальше.

Николь быстро взглянула на свою сестру, которой виконт помогал выйти из коляски.

– Я думаю, нам лучше быть друзьями. А вы? Было бы намного... намного спокойнее, если бы каждый из нас воспринимал другого как друга.

– И как долго? – машинально спросил Лукас, который в этот момент думал только о том, как страстно ему хочется поцеловать Николь в соблазнительные полные губки.

– Ну... вероятно, до тех пор, пока нам больше не захочется дружить. Действительно, у нас получается какой-то странный разговор. Я и в самом деле только из деревни, милорд, но уж вы-то человек светский... И я ужасно проголодалась. Как вы думаете, у них есть ветчина? Я обожаю ветчину.

Лукас каким-то чудом удержался от признания: «А я, кажется, начинаю обожать вас».

Гостиница могла похвастаться всего одной отдельной столовой, которую не замедлил занять Лукас, тогда как дам проводили в маленькую спальню под самой крышей, где они могли умыться и привести себя в порядок.

Лидия еще снимала перчатки, когда Николь, бросив на кровать свою шляпку, склонилась над умывальником, плеская на горящие щеки пригоршни холодной воды.

– Как тебе удалось уговорить его светлость дать тебе поводья? – спросила Лидия, развязывая ленты своей шляпки. – Впрочем, стоит ли об этом спрашивать?

Николь вытерла лицо жестким полотенцем и радостно улыбнулась.

– Скорее всего, нет. Это было замечательно, Лидия! Мне так хотелось пустить лошадей галопом! Но я побоялась, что он отберет у меня вожжи. У него превосходные гнедые, гораздо лучше пары виконта.

– Не знаю, лично я не заметила никаких недостатков в лошадях виконта. Кстати, у нас состоялся еще один интересный разговор. Оказывается, у виконта целый выводок младших сестер и вдовья мать, вот почему он не смог позволить себе участвовать в войне. Хотя он ужасно стыдится, что остался дома, тогда как другие мужчины погибли или стали инвалидами, сражаясь за короля. И тогда я сказала ему, что наш дядя и кузены тоже не были на войне, однако все равно погибли страшной смертью. Мы с ним пришли к единому мнению, что безопасность – дело относительное и что безрассудные поступки так же легко могут привести к трагическим последствиям, как и открытая схватка с врагом.

– Очень жаль, что я пропустила этот разговор, – сказала Николь и, сдерживая смех, отвернулась сложить полотенце. – Вероятно, на обратном пути на Гросвенор-сквер вы будете развлекаться спряжением французских глаголов, это тоже будет безумно увлекательно. Но пожалуйста, за ланчем постарайся найти более легкую тему для разговора.

– Но... Но виконт казался очень довольным. И если уж ты такой знаток в светских беседах, расскажи, о чем говорили вы с маркизом?

Пока Лидия мыла руки, а затем аккуратно освежала лицо влажной салфеткой, Николь наблюдала за сестрой, усевшись на край кровати. Да, Лидия – настоящая леди, ей присуща особая женская грация, она и двигается так же, как говорит – плавно, неторопливо, осмотрительно, – не то что Николь, которую недаром все называют сорвиголовой!

Всегда благоразумная и сдержанная, Лидия осторожно ступает по жизненной дороге, а она, Николь, беззаботно шлепает по ней, подумала Николь, довольная таким сравнением.

– Мы с маркизом, – медленно начала она, тщательно подбирая слова, – решили стать друзьями. Нам очень... нам очень хорошо и спокойно друг с другом.

– В самом деле?

«Господи, нет, конечно!» – подумала Николь, чувствуя, как внутри у нее снова все сжалось.

– Ну конечно! Он понимает, что я приехала в Лондон развлекаться, и его вполне устраивает наша договоренность. Понимаешь, я сочла честным сказать ему об этом, потому что, может, он ищет себе жену, как и другие мужчины, которые приехали сюда на сезон... Ну, чтобы он понапрасну не тратил на меня время.

– Николь! Не может быть, чтобы ты сказала ему такое! По-твоему, если маркиз – или любой другой мужчина – заглядывается на тебя, уделяет тебе какое-то внимание, то из этого обязательно следует, что он хочет на тебе жениться? Я знаю, дорогая, ты сказала ему это из самых добрых побуждений и не понимала нескромность и неприличие своего предположения, что его светлость... что он захочет...

– Что ему не терпится жениться на мне? Или, по крайней мере, разделить со мной ложе? – Николь подавила дрожь, надеясь, что она возникла от ужаса, а не от предвкушения. – Только не говори, что ты не почувствовала этого с нашей первой же встречи. Я не настолько наивна, чтобы не понимать, о чем думают мужчины, когда смотрят на меня. Вспомни мистера Хью Хобарта. Он...

– Нет, нет! Замолчи! Не смей говорить о мистере Хью Хобарте, никогда! Тебя могли убить или... еще хуже.

– Лидия, глупенькая, что может быть хуже, чем быть убитой?! Любое другое состояние только временно. И пусть оно неудобно и даже страшно, все равно его можно пережить. Или ты предпочла бы, чтобы я отказалась от жизни из-за того, что в тот день едва со мной не случилось, как ты, когда погиб капитан... О! Прости, дорогая!

Она спрыгнула с кровати и крепко обняла сестру.

– Ты боишься за меня, потому что я за все хватаюсь обеими руками. А я тревожусь за тебя, потому что ты не решаешься протянуть вперед даже одну руку, не пытаешься вернуться к жизни. Я так тебя люблю, Лидия! Это не значит, что тебе обязательно нужно научиться править лошадьми, брать высокие препятствия или отчаянно флиртовать с опасным человеком, потому что это ужасно интересно! Да, мы с тобой двойняшки, но очень разные. У тебя свой путь в жизни. Ты нежная, мягкая и любящая. Пожалуйста, Лидия, люби себя еще сильнее и выйди из тени, куда ты все время прячешься! Я хочу, чтобы ты на что-то осмелилась, милая моя сестренка. Будь живой.

Этого хочу я, и того же хотел бы и капитан, я это точно знаю!

Лидия замерла в руках сестры, сердце ее билось часто и взволнованно. Потом она поцеловала Николь в щеку и отстранилась.

– Если я пообещаю быть менее осторожной, ты сама обещаешь вести себя более осторожно?

Зная свой характер, Николь задумалась.

– Ты имеешь в виду вообще или именно с маркизом? Потому что я не знаю, смогу ли я...

– О нет, я не стала бы просить тебя отказаться от того, что вы с маркизом нашли друг в друге. Я тоже не настолько наивна. Но ты обещаешь вести себя осторожно, осмотрительно? Я знаю, ты считаешь это невозможным, но имей в виду, что даже самого сильного и независимого человека можно сделать несчастным.

– Хорошо, – согласилась Николь с притворной улыбкой. – Мы же не хотим, чтобы это случилось с бедным маркизом, правда?

– Ох, дорогая, ты неисправима. – Лидия еще раз порывисто обняла сестру.

– Все это твердят! А я тем временем положительно умираю от голода! – добавила Николь, искренне надеясь, что сестра наконец-то сделала решительный шаг в мир, что порадовало бы капитана Фитцджеральда. – А пока мы спускаемся, скажи, как ты находишь виконта Ялдинга? Он тебе интересен? Кажется, ты ему очень нравишься.

– Николь! Разумеется, нет!

– Ну что ж, – сказала Николь, направляясь к лестнице. – В Мейфэре на каждом шагу встречаются подходящие джентльмены. Я буду искать.

Лидия легонько шлепнула сестру, и та весело засмеялась, продолжая спускаться... и увидела Лукаса, который ждал ее у подножия лестницы.

Он снял и держал в руке шляпу с загнутыми полями, густые белокурые волосы с золотистым отливом были слегка взъерошены, на лбу виднелась розоватая полоска от шляпы, и глаза его... Она никогда не видела таких чарующих, таких лучистых глаз, как у него. Николь замерла в восхищении. Он был таким красивым, таким непринужденно естественным и веселым, таким сильным и стройным, что в ней все запело от ощущения полноты и радости жизни.

Наверное, он подумал, что ее улыбка и смех предназначались ему?

Маркиз подал ей руку, и она слегка оперлась на нее, удивленная своим волнением.

Но даже если он подумал, что она улыбалась ему, какое это имеет значение? Ведь Лидия тоже улыбалась. И сегодня, несомненно, самый замечательный день...

Глава 4

Лукас с удовольствием слушал Николь, которая, размахивая жареным куриным крылышком, рассказывала в лицах историю о том, как Раф и Шарлотта обнаружили в своей спальне в Ашерст-Холл гнездо с новорожденными мышатами. Раф требовал немедленно предать их смерти, а Шарлотта умоляла его собрать малышей и вынести на улицу.

Разумеется, только после того, как Раф найдет мать, без которой мышата могли погибнуть.

Флетчер покатывался от хохота, когда Николь перешла к описанию охоты Рафа за матерью. Сперва брат действовал с помощью кусочка сыра, потом из кладовой был извлечен сачок для ловли бабочек, и, наконец, в полном отчаянии он сдернул с подушки наволочку... И когда несчастная мышь была наконец поймана, Шарлотта потребовала, чтобы он убедился, мать это или отец, потому что отец таким крошкам совершенно не нужен.

– И Раф заявил: «Мадам, хотя у меня были совершенно иные намерения относительно этого семейства, я сделал то, что вы просили. Теперь же поднимите хвостик и посмотрите сами, если вам это нужно, а с меня хватит!»

И когда всеми овладел новый приступ истерического смеха, она отломила кусочек крылышка – уже третьего – и, с аппетитом отправив его в рот, подмигнула Лукасу.

Он только головой покачал, давая ей понять, что она положительно неисправима.

А про себя восхищался ее простотой и естественной непринужденностью ребенка, уверенного в любви окружающих, ведь сам он любит весь мир. Когда-нибудь ей суждено стать восхитительной хозяйкой дома и играть значительную роль в обществе. Разумеется, в том случае, если до этого она не скомпрометирует себя каким-нибудь взбалмошным поступком.

В Николь поразительным образом сочетались прирожденное кокетство красивой девочки и безыскусное очарование. Когда она спускалась вниз, он заметил, что

щеки ее блестят, а локоны вокруг лица еще влажные – видимо, она просто умылась и причесалась, больше желая освежиться, чем навести красоту.

Она определенно не пользовалась румянами и пудрой, иначе ее веснушки были бы не так заметны. Нет, блеск ее кожи говорил только об отменном здоровье, а губы алели от природы. Глаза ее сияли от неумемной энергии и заразной радости жизни.

Кто-то мог найти ее утомительной, но Лукасу она казалась волнующе прекрасной и соблазнительной.

И если бы у него было чувство самосохранения, он как можно быстрее сдал бы ее на руки брату и сбежал бы от нее на край света!

– Вы все еще голодны, леди Николь? – тихо спросил он. – Или хотели бы погулять на свежем воздухе, прежде чем мы вернемся на Гросвенор-сквер? Сегодня на редкость солнечная погода.

Склонив голову набок, она задумчиво посмотрела на него, затем протянула ему руку, чтобы он помог ей подняться.

– Рискнем оставить этих двоих без нас? – спросила она шепотом, возбужденно сверкнув своими дивными фиалковыми глазами.

– Вы не хотите пригласить их?

– А вы?

Уж не прочла ли она его мысли? Однако вежливость требовала, чтобы он пригласил и другую пару.

– Леди Лидия, Флетчер! Пойдете прогуляться с нами? – спросил он, и Николь, отвернувшись от сестры, недовольно скосила на него глаза.

Лидия и Флетчер обменялись взглядами и дружно отказались, очевидно не желая прерывать какой-то интересный разговор.

– Мы можем оставить дверь открытой, – сказала Николь, приняв у Лукаса свою шляпку и положив ее на стол. – У меня наберется целая дюжина шляпок – я сама их покупала, хотя они меня ужасно раздражают. Они, конечно, очень красивые, но вообще-то в шляпке я чувствую себя как лошадь в шорах.

Лукас взглянул на свою шляпу и решительно вернул ее на столик, а затем предложил Николь руку.

– Так как мы выходим ненадолго, думаю, мы можем позволить себе некоторую вольность, не рискуя шокировать общественное мнение.

Они направились к выходу.

– Если бы я знала, что для великосветского общества так важно, надели мы с вами головные уборы или нет, я предложила бы ему заняться более серьезными проблемами.

– Вы сами намерены сообщить об этом обществу или поручите мне? Я имею в виду, до того, как оно от нас отвернется?

– А вас это волнует? – поинтересовалась Николь.

Они вышли из гостиницы, повернули налево и направились по тропинке, которая вела к светлой березовой роще.

– Я хотела сказать, опасение, что общество может от вас отвернуться? Если подумать, можно было бы извлечь из этого некоторую пользу. Например, ввести новую моду – появление на открытом воздухе без головного убора.

– Пожалуй, я мог бы это сделать. По словам Флетчера, я буквально напичкан плодотворными идеями. Но что касается вас, то вам грозило бы сразу оказаться в списке весьма сомнительных и даже легкомысленных невест, и мамыши постарались бы держать своих сыновей подальше от вас, если бы Раф не давал за вами солидного приданого. А так, будь у вас хоть три уха, это никого бы не испугало.

Николь весело рассмеялась.

– Если бы у меня было три уха, я никогда бы не снимала шляпку!

Лукасу ужасно хотелось погладить ее чудесные, блестящие на солнце волосы, ощутить их тепло.

– И мир был бы лишен удовольствия любоваться вашими замечательными локонами. Вы это рассчитывали услышать? – Он осторожно взял ее за руку.

Улыбка ее исчезла, и, прикусив губку, Николь отвернулась.

– Нет, не рассчитывала. Я не напрашивалась на комплимент, милорд. Я думала, что мы с вами друзья, но ошибалась. Я вовсе не такая неисправимая кокетка, как утверждает Шарлотта.

– Уверен, ваша невестка говорит это, искренне любя вас. Но она смотрит на вас не теми глазами, какими смотрю я и любой мужчина моложе восьмидесяти, если только он не слеп и не глух. Вы кокетка, дорогая моя, кокетка от рождения. Я бы даже сказал, что, если ее светлость действительно беспокоится о вас или о мужском населении земного шара в целом, она оказала бы ему огромную услугу, повесив на вашу прелестную шейку табличку с предостерегающей надписью.

Николь выдернула свою руку и вприпрыжку побежала по узкой тропинке. Остановившись в отдалении, она повернулась к нему лицом.

– Я не думала, что вы можете быть таким злым. Вы сказали ужасную вещь.

Лукас был готов провалиться сквозь землю.

– Да, конечно, – поспешил признаться он. – И я очень сожалею. Я никоим образом не хотел оскорбить вас.

В ее глазах снова заплясали озорные искорки.

– Меня?! О нет, милорд, я вовсе не оскорбилась. Вы сами себя оскорбили, себя и... как вы сказали, все мужское население. Уверена, что среди джентльменов есть и такие, которых интересует в женщинах не только их внешность.

– И, рискуя еще больше оскорбить представителей своего пола, скажу, что для многих из нас внешность – это единственное, что имеет значение. Все мы поверхностны – в той или иной степени.

– Следовательно, если бы у меня было три уха и никакого приданого, вы сразу бы от меня отвернулись? Понятно.

Лукас мысленно воспроизвел свои слова с начала их прогулки, пытаюсь понять, когда он ошибся в первый раз. И тогда понял, что она пытается сделать.

– Вы намеренно добиваетесь, чтобы мы поссорились?

Николь на мгновение смешалась, затем посмотрела ему в глаза:

– Да. И это не получается, потому что вы не помогаете мне. Почему это не получается? Раф говорит, что, если я захочу, я способна даже святого вывести из себя.

– Я не святой, – спокойно сказал Лукас, подойдя к ней и ощутив, как от ее волос пахнет горячим солнцем. – Вы действительно боитесь меня? Неужели я представляю для вас такую угрозу, Николь?

Она прикусила губку, а потом быстро поднесла ко рту руку, словно желая скрыть что-то, что могло ее выдать.

– Ведь я вас совсем не знаю, то есть не знаю по-настоящему. И если уж говорить начистоту, то и вы меня не знаете. Так почему вы так на меня действуете? Потому что мне это не нравится, милорд, совсем не нравится! – И она даже ножкой топнула.

– А как я на вас действую? – настойчиво спросил он, позволив себе приподнять пальцем ее подбородок и любясь играющими на ее свежем лице солнечными бликами. – Скажите мне.

– Ну нет, этого удовольствия я вам не доставлю! – Она откинула голову назад. – Простите, но дело заходит слишком далеко. Отведите меня в гостиницу или уступите мне дорогу.

Отпустить ее! Это было выше его сил!

– Признайтесь, Николь, последние три дня вы гадали, каково будет, если я вас поцелую, правда? Сам я все время об этом думал. Вы – сестра моего друга, но я только и мечтал о том, как поцелую вас, как вы окажетесь в моих объятиях. С того самого момента, как вы ворвались в мою жизнь и потрясли весь мой мир.

Она медленно покачала головой, но не убежала.

– Я вас совсем не боюсь.

– В самом деле? Почему-то мне в это не верится. Я-то вас точно опасаюсь. С вами пришло то, что мне сейчас совершенно не нужно, точно так же, как – вы сами дали мне это понять – для вас я тоже являюсь помехой. Однако вот мы здесь, рядом, и я по-прежнему хочу вас поцеловать и, даже больше, уверен, что и вы этого хотите. Сказать по правде, сомневаюсь, что кто-то из нас сможет думать о чем-то другом до тех пор, пока...

И вдруг Николь кинулась к нему, едва не сбив с ног. Привстав на цыпочки и взяв его лицо в ладони, она пригнула его голову и с силой прижалась к его губам, крепко зажмурилась, словно от боли.

Так же резко и неожиданно она отстранилась и, задыхаясь, отступила назад.

– Вот! Теперь никто из нас больше не будет об этом думать.

Не успел он ответить, как она подобрала юбки и быстро побежала к гостинице. Лукас решил выкурить сигару, чтобы дать ей время прийти в себя.

Господи, все-таки она прелесть!

Пока он курил, улыбаясь и проигрывая в памяти ее внезапный поцелуй, в мозгу его начала оформляться некая идея. На первый взгляд сумасбродная идея, однако чем дальше он над ней размышлял, тем больше находил ее довольно разумной...

Когда она отучится вести себя столь порывисто и импульсивно? Когда, наконец, начнет сначала думать, а только потом действовать?

Но Николь не дала ему и рта раскрыть. Она явно не хотела, чтобы он сказал что-то такое, чего она не смогла бы отрицать, не рискуя поставить себя в нелепое положение.

Все это выглядело совершенно оправданным и, как оказалось, очень приятным.

Но она не должна была забывать, что ей еще предстоит сидеть рядом с ним всю обратную дорогу до Лондона.

Николь бежала, пока не оказалась перед гостиницей. Здесь она остановилась, отдышалась и вошла в столовую, где ее сестра и лорд Ялдинг по-прежнему увлеченно беседовали и даже не заметили ее возвращения.

Лукас появился через несколько минут и объявил, что уже расплатился с трактирщиком и что им нужно возвращаться, пока погода снова не испортилась.

– Ничего не говорите! – предупредила его Николь, когда он помогал ей подняться в коляску. – Ни единого слова.

– Я и не собирался. Но могу я хотя бы поблагодарить вас? Это был... в высшей степени интересный поцелуй. Смеею предположить, он был вашим первым? Я невероятно польщен.

– Это не имеет значения. – Николь сердито посмотрела на него. – И могу ли я добавить, что я подразумевала совсем иное, когда просила вас ни слова не говорить. Я исходила из предположения, что вы – джентльмен.

– Я и есть джентльмен. Менее воспитанный человек схватил бы вас в объятия и показал бы вам, что такое настоящий поцелуй, но я от этого воздержался. Я даже горжусь своим самообладанием и джентльменским поведением в минуту такого искушения.

– Очень благородно с вашей стороны, милорд. К сожалению, не могу сказать того же о себе. – Николь глубоко вздохнула и отвернулась к окну. – Нам не

следует больше видеться. Хотя, полагаю, время от времени нам придется сталкиваться, и тогда, разумеется, мы будем друг с другом вежливыми и приветливыми, особенно в присутствии Лидии или Рафа. Вы будете на балу у леди Корнуоллис?

– Да, теперь непременно буду, – сказал Лукас, на что она вся вспыхнула от злости, хотя втайне обрадовалась. – Но надеюсь удержать себя и не пригласить вас на шотландский ритл, чтобы похитить во время танца, если вы этого боитесь. А что касается вашего поведения, я не могу чувствовать себя в полной безопасности, вы согласны? В конце концов, ведь не я... совершил это нападение.

– Да, не вы, и я очень рада, что я это сделала, – заявила Николь, всеми силами стараясь скрыть свое смущение. – Потому что теперь, когда мое вполне объяснимое любопытство удовлетворено, я поняла, что вы вовсе не такое уж сложное препятствие, как я думала.

– Поцелуй оказался настолько неудачным?

Так она ему прямо все и скажет – он уже сияет от самодовольства! И она ни за что не признается, как обрадовалась, поняв, что он намерен продолжать за ней ухаживать. Насколько это будет проще, чем самой его преследовать, решила она, одновременно понимая, что, когда дело дойдет до отстаивания самых заветных планов на жизнь, она сможет оказаться самым злейшим своим врагом.

– Поскольку я не чувствую желаний повторять этот эксперимент, я бы сказала, что поцелуй был замечательно удачным... О, смотрите, милорд, что вы наделали! Из-за вас мы чуть не рухнули в канаву!

– Прошу прощения, – сказал Лукас, посмотрел на дорогу и с силой натянул вожжи.

Может, она слишком много себе позволяет? Шарлотта не раз предупреждала, что ее вольные речи и безрассудное поведение кого угодно могут свести с ума. На протяжении целой мили Николь хранила молчание, размышляя, извиняется он за поцелуй или за то, что едва не опрокинул коляску, и наконец тихо промолвила:

- Это было не так уж страшно.

- Прошу прощения? Боюсь, я потерял нить нашего разговора.

Она возмущенно уставилась на него. Лукас даже не пытался облегчить ее состояние, и было ясно, что он делает это намеренно.

- Я сказала, что было не так уж страшно. Я имела в виду поцелуй. Вы все равно мне нравитесь, хотя и против моего желания. Думаю, мы оба можем быть совершенно ненормальными, и я понимаю, что вам не следует так вести себя со мной, а мне - с вами, но все равно я вам симпатизирую. Не знаю почему.

- Вы не в состоянии устоять передо мной из-за моего врожденного обаяния, - шутливо заявил Лукас, снова вручая ей поводья. Николь заподозрила в этом жест примирения, но не смогла отказаться. - Поднимите немного кисти... Вот так, правильно. А теперь, хотя от этого зрелища Флетчера неминуемо хватит удар, пустите лошадей вскачь, я же вижу, вам не терпится. Дорога здесь прямая, и на добрых полмили никого не видно.

Она искоса посмотрела на него, принимая от него очередное одолжение. В глубине души она сомневалась, что сможет долго на него сердиться. А это обоим не предвещало ничего хорошего.

- Вы серьезно мне это разрешаете? Считаете, что я сумею справиться с лошадьми, или вы так извиняетесь передо мной?

- Поскольку я осознаю риск оказаться выброшенным из коляски, что может не лучшим образом отразиться на состоянии моей шеи, в мои планы не входит просто доставить вам удовольствие. Да, это мой способ извиниться перед вами. Такое объяснение вас удовлетворяет?

- Да, пожалуй. Я тоже прошу прощения. Я отлично понимаю, что вела себя очень скверно, хотя меня и вынудили к этому, - не удержалась Николь от оговорки, так как не любила признавать за собой вину.

Затем она полностью сосредоточилась на лошадях и слегка подстегнула их, и лошади мгновенно перешли на галоп. Ветер взметнул широкие поля ее шляпки,

и она радостно воскликнула:

– Ах, как чудесно!

– А завтра, если позволит погода, мы снова отправимся на прогулку, пусть ваша любимица как следует порезвится. Ее кличка Джульетта, не так ли?

Она кивнула, внимательно глядя на дорогу.

– О, хорошо, я согласна. Только ради вас, поскольку, как вы скромно признались, вы так обаятельны. Но не думайте, милорд, что из этого что-нибудь выйдет! Больше никаких поцелуев!

– Вы меня убиваете! Но я согласен, больше ни одного поцелуя – подобного тому, каким мы обменялись у гостиницы.

Несносный человек! Она хорошо его расслышала, но сразу заподозрила, что он сказал совершенно противоположное тому, что она имела в виду. По его коварной улыбке она поняла, что права.

– Мы будем с вами такими же, как прежде – просто друзьями.

– Безусловно, пока вы не пожелаете иного. Но признаюсь вам, Николь, у меня есть свои предпосылки, чтобы согласиться на дружеские отношения. Правда, я не так тщательно обдумал свою идею, как следовало, но все-таки скажу, что хочу заключить с вами сделку. Вы можете расценить ее как приглашение к приключению. Вы сами сказали, что ждете приключений от вашего пребывания в Лондоне.

Когда они свернули за поворот и впереди показались другие экипажи, он забрал у нее поводья, и она не стала возражать, настолько ее заинтриговал тон Лукаса.

– Это звучит зловеще. У вас есть какие-то соображения?

– Да, – кивнул он, и его тон стал серьезным. – Позвольте мне сказать об этом, пока я не передумал. По причинам, которыми не стану вас утомлять, я заинтересован в том, чтобы в ближайшие несколько недель окружающие

считали меня глупцом, потерявшим голову от любви. Иными словами, совершенно невинным и никому не опасным.

Замысел Лукаса действительно оказался неожиданным и очень интересным.

– Думаю, только безнадежный глупец может считать вас неопасным. И какова же ваша цель?

– Это не имеет значения. Пожалуйста, Николь, выслушайте меня. Мы с вами договорились быть просто друзьями, поскольку, как выяснилось, в настоящее время ни вам, ни мне не нужны какие-либо осложнения. Вы согласны?

Хотя на небе по-прежнему сияло солнце, Николь вдруг показалось, что оно померкло.

– Да, мы говорили об этом. Хорошо... мы... друзья.

– Тогда, если я позволю вам править своей упряжкой, если я возьму вас на прогулку с вашей Джульеттой – и выполню другие ваши желания – разумеется, в пределах разумного, – согласитесь ли вы появляться со мной в свете? Всего несколько недель и только в обществе, это я вам обещаю. Затем вы публично дадите мне отставку, так что до конца сезона у вас останется достаточно времени, чтобы завоевать не меньше десяти сердец. При этом мы оба будем знать, что только разыгрываем своего рода шутку, шараду, что не принесет вреда никому из нас.

В его глазах появилось выражение, какого Николь еще не видела. Что-то вроде решимости, отчего он стал строгим и даже суровым, как будто за что-то сердился на себя.

– Хотелось бы мне сказать, что я вас поняла, но не могу. Зачем вам нужно, чтобы люди думали, будто вы – влюбленный без памяти глупец?

– Разве я сказал «глупец»? – Если он хотел своей улыбкой отвлечь ее, то ему это не удалось.

– Да, сказали, – серьезно отвечала она.

- Ну, давайте заменим «глупца» на «преданного поклонника», хорошо?

- Нет, пока вы не скажете, почему вам это нужно.

Лицо его стало замкнутым.

- Тогда оставим это, Николь. Между друзьями некоторые вещи нужно принимать на веру, как я поверил вам, отдав поводья.

Он выводил ее из себя!

- Вы всегда так легко сдаетесь, милорд?

- Только когда осознаю, что допустил глупость. Прошу вас забыть о моей просьбе. Эта мысль казалась мне хорошей до тех пор, пока я не высказал ее вслух, а теперь она предстала передо мной во всей своей нелепости.

- Нет, вы говорите неправду. Поскольку сама я легко прибегаю ко лжи, когда мне это нужно, я так же легко могу почувствовать, когда человек лжет мне. Вам очень нравится ваша идея, потому что она каким-то образом помогает вашим целям. Просто вам не понравилось, что я хочу знать, зачем вам необходимо внушить людям то, чего на самом деле нет.

- У меня есть на это причины. Это все, что я могу сказать.

- Все, что вы мне скажете! - подчеркнула Николь и увидела, как на щеке его дернулся мускул. - Вам что-то грозит?

Он весело засмеялся:

- И поэтому я прошу вас защитить меня? Ну, уж это вряд ли!

- Не паясничайте! - Она лихорадочно пыталась сообразить, в чем тут загвоздка. - Шпионом вы не можете быть, ведь война уже окончилась и шпионы больше не нужны. Или нужны?

– Нет, уже не нужны. Николь, оставим это. Не стоило мне даже заводить разговор.

– Правильно, не стоило. Но вы завели его, и теперь я сойду с ума, пытаюсь понять, зачем вам нужно вводить свет в заблуждение! А! Вас преследует какая-нибудь назойливая мамаша, которая мечтает выдать за вас свою сдобную дочку?

– Если я скажу «да», вы мне поверите?

Она немного подумала.

– Нет, пожалуй. Вы не из тех, кто станет бояться женщин.

– Разумеется, за исключением присутствующих, – отпарировал он, одновременно к ее восхищению и огорчению.

– Да, да, я знаю, что навожу ужас, – машинально пошутила она, продолжая ломать голову над загадкой Лукаса: зачем ему нужно было создать впечатление, что он целиком захвачен ухаживанием за женщиной?...

Отвлечь внимание от какого-то другого дела? Но какого? – Все-таки объясните мне, пожалуйста. Вам угрожает какая-то опасность? Ведь вы мне так и не ответили.

– А вы заметили? – удивленно спросил он.

– Я уже призналась, что не такая начитанная, как Лидия. Но кажется, не давала вам оснований считать меня глупой. И вы по-прежнему не отвечаете на мой вопрос.

Он некоторое время молчал, сосредоточив внимание на запруженной экипажами дороге, поскольку они уже въехали в Лондон.

Она ждала затаив дыхание, зная, что от его ответа будет зависеть, встретятся ли они снова. Несомненно, и он это понимал.

– Думаю, то, что я собираюсь сделать, – наконец сказал он, – может оказаться не таким уж опасным. А в данный момент мне вообще ничего не угрожает. И если у окружающих не появятся причины подозревать меня в чем-либо, то риска будет еще меньше. Этого вам достаточно, Николь?

Да слышит ли он, что говорит?! Перед ней замаячили некая тайна и шанс принять участие в приключении, возможно сопряженном с подлинным риском! И он думает, что она успокоится, так и не узнав о его замыслах? Однако если она не согласится выступить в качестве прикрытия его намерений, она никогда ничего не узнает!

– Но вы скажете мне, когда все закончится? Я имею в виду, когда осуществится ваш план?

– Да, Николь, когда он осуществится и если мне повезет, я, конечно, обо всем вам расскажу. Это будет только справедливо.

– А если не повезет? – Она внезапно испугалась за его жизнь. Видит бог, она мечтала о приключениях, но чтобы при этом за кого-то бояться... – Что будет тогда?

– Не знаю, – медленно проговорил он. – О неудаче я просто не думаю.

– Я тоже никогда о ней не думаю. Мы с вами похожи, милорд.

– Лукас! – поправил он.

– Мы с вами очень похожи, Лукас, – повторила она и удовлетворенно вздохнула. – Ну хорошо. Я позволяю вам выступать в роли моего страстного поклонника. Лидия придет в полный восторг и будет твердить свое любимое «Я же тебе говорила!». Ведь она знает, что я поклялась никогда не интересоваться мужчинами. Раф с Шарлоттой тоже будут рады видеть меня в обществе подходящего мне человека и перестанут за меня волноваться, так что я смогу спокойно наслаждаться этим приключением. А когда оно закончится, вы откроете мне вашу тайну. Хотите еще что-то сказать?

- Только одно. Принимая во внимание наши дружеские отношения, я, как джентльмен, обязан сказать обо всем Рафу.

Николь разочарованно охнула. А как же тайна?

- Ни в коем случае! Во-первых, он ни за что не согласится. А во-вторых, если вы объясните Рафу, почему вы затеяли эту игру, тогда я настаиваю, чтобы вы и меня во все посвятили. В противном случае у вас с ним будет передо мной преимущество, а это нечестно.

- Он - ваш брат и мой друг. Мне совесть не позволяет его обманывать.

- Вы и о моем поцелуе хотите ему рассказать?

- Нет, конечно!

- Но вы же его друг и джентльмен. Как же вы можете скрыть это от него? - Николь почувствовала свое преимущество и усилила давление.

Но ответ Лукаса смел все ее расчеты:

- Да, пожалуй, вы правы. Я скажу ему, что это я вас поцеловал - чтобы вам не пришлось краснеть, вы понимаете, - но тогда Раф уже на следующий день поместит в утренних газетах объявление о нашей помолвке.

Она с негодованием уставилась на него:

- Вы меня запугиваете?! И это после того, как я согласилась вам помочь?

Он рассмеялся, но сразу стал серьезным.

- Интересно! Значит, перспектива замужества вас пугает, я вас правильно понял, Николь? Вам неприятна сама идея замужества или мысль стать именно моей женой?

Она замахала перед собой руками.

– О нет, со мной ваша хитрость не пройдет! Я согласилась вам помогать, а вы сразу пожалели о своей просьбе и теперь нарочно хотите меня разозлить, чтобы я взяла свое обещание назад. Ну а я этого не сделаю! Можете рассказать Рафу об этом глупом поцелуе, если считаете себя обязанным исповедаться перед ним. Только имейте в виду, его гнев будет направлен не на меня!

Лукас изумленно уставился на нее:

– Кажется, я загнан в угол, и кем же?! Девушкой младше меня по меньшей мере лет на восемь! Николь, да вы чертовски умны! Мне даже страшно становится!

– А что, скажете, мои доводы не разумны? – с гордостью заявила она и только потом вспомнила то, когда, как ей представлялось, она повела себя очень умно в деле, представлявшемся ей благим и справедливым, но едва не закончившемся ее гибелью.

Тогда она поклялась быть более осторожной, особенно с теми, кто казался достойным доверия и кого – девушка была в этом уверена – она могла держать под контролем, как ей представлялось в отношении мистера Хью Хобарта.

Доверяла ли она Лукасу? Да, приходилось признать, что доверяла.

Могла ли его контролировать?

Нет. Рядом с ним она даже за себя не могла поручиться.

Но теперь она уже не в силах была отступить. Тайна, о которой он намекнул, была слишком соблазнительной, чтобы забыть о ней. Боже мой, свобода, приключение и... тайна!

– Не знаю, насколько разумны ваши доводы, Николь, но они кажутся убедительнее моих.

– Мне не стоит труда самый нелепый вздор выдать за нечто серьезное и обдуманное, во всяком случае для меня самой, – с лукавой улыбкой призналась она. – Это благодаря давней практике.

Николь даже не заметила, как коляска свернула на Гросвенор-сквер.

Лукас остановил экипаж и к коляске выбежал лакей, чтобы помочь Николь спуститься на землю.

Лукас придержал ее за руку.

– Будь у меня чувство самосохранения, я сломя голову сбежал бы от вас. Но, увы, мы уже договорились. Пойдемте спросим Флетчера и вашу сестру, не хотят ли они сегодня пойти в театр. Раз уж мы договорились убедить общество в моей влюбленности, придется нам продолжить эту игру.

Николь кивнула, и он прыгнул на землю и, опередив лакея, быстро подошел к ней с другой стороны коляски.

Она положила руки ему на плечи, и он подхватил ее за талию, глядя ей в глаза, пока опускал на землю. Сердце у Николь замерло.

– Поймите, я не просто так расспрашиваю вас. Не потому, что мне хочется настоять на своем, думая исключительно о том, чтобы развлечься. Здесь есть еще кое-что... Вы сказали, что угроза для вас небольшая, но я все равно за вас волнуюсь. Как... Как ваш друг. И из-за этого почему-то сержусь на вас.

– Я понимаю, – тихо сказал он с чарующей улыбкой и поднес ее руку к своим губам. – И благодарю вас.

Покраснела ли она? Щеки ее вспыхнули. Но это было невозможно, она никогда не краснела – в отличие от легко смущающейся Лидии.

– Да... Да... Не стоит благодарности... И все-таки вы невыносимы! – сбивчиво пролепетала она с сильно бьющимся сердцем. – Но я со своей стороны благодарю вас за прекрасный день, и если у вас есть хоть капелька доброты, то теперь уходите и дайте мне возможность спокойно обдумать все, что между нами произошло.

Глава 5

Лукас еще раз прочитал первые строки воззвания «Граждан за справедливость»: «Друзья, настало время восстать против деспотического правительства, решившего уморить голодом наших детей и уничтожить всех честных людей». Затем сложил листовку и вернул ее Флетчеру.

– Да, да, спасибо, Лукас, я уже читал ее несколько раз. Крайне неприятная ситуация. Леди Лидия собиралась передать ее своему брату, но на следующее утро после того, как мы с тобой обедали у них на Гросвенор-сквер, его вызвали в поместье, и он вернется только к вечеру. Поэтому сегодня в гостинице она дала листовку мне. Что ты об этом думаешь, Лукас?

– Определенно ничего хорошего. Ты говоришь, леди Лидия нашла ее у своей горничной?

– Да, в кармане передника. Она не стала говорить об этом с горничной и думает, что, вероятно, видит проблему там, где ее нет, но факт, что как раз теперь она читает гневные памфлеты твоего родственника, заставляет предполагать, что в ее голову проникают кое-какие пугающие идеи.

– Он мне вовсе не родственник, а однофамилец, – сердито возразил Лукас. – Но я понимаю, что леди Лидия вполне могла найти связующее звено между этими двумя фактами. Листовка является подстрекательством к бунту. Флетчер, ты понимаешь, какие могут быть последствия?

– Думаешь, заинтересуются? – предположил Флетчер и пожал плечами. – То есть когда мы установим автора этой галиматши. И они называют себя «Граждане за справедливость»! Скорее – «Граждане за несчастье». Я просил леди Лидию не тревожиться, но, по-моему, мне не удалось ее убедить. А ты что на это скажешь? Ведь именно ты всего несколько дней назад предупреждал о подобной возможности.

– Что я скажу? – повторил Лукас, опускаясь в кожаное кресло перед письменным столом в своем просторном кабинете на Парк-Лейн, обдумывая ответ. – Ну, прежде всего неизвестно, кто имеет отношение к этому вздору. Листовка – явный призыв к вооруженному бунту, но в ней не говорится, где и когда должны

собраться недовольные правительством люди и что должны предпринять в том случае, если все-таки соберутся. Куда они пойдут? На кого направят оружие?

Флетчер задумчиво потер щеку.

– Ну... Провалиться мне на месте, Лукас, если я это знаю. Думаешь, в тексте зашифрованы какие-то указания?

Лукас улыбнулся:

– Нет, конечно. А главное, полагаю, из тех, кому адресована листовка, читать умеют от силы один-два человека из пятидесяти. Что уж тут говорить о тайном шифре! Так какова же цель листовки, а?

Флетчер озабоченно наморщил лоб, затем покачал головой.

– Поскольку мы единственные, кто в состоянии с ней ознакомиться, то просто ума не приложу.

– Нет, Флетчер, ты знаешь – ты сам только что об этом сказал. Листовка адресована не населению Лондона, или где ее там еще распространили. Она обращена к людям, которые смогут ее прочесть, то есть к нам.

– Извини, но я не понимаю.

Лукасу и самому не хотелось бы это понимать, но, к сожалению, он все понял – благодаря лорду Найглу Фрейни. Один Флетчер думал, что Лукас впервые видит листовку.

– Вспомни, что ты позавчера рассказал мне. Ты случайно услышал, что кое-кто из членов нашего правительства считает, будто нашел способ убедить парламент – как тори, так и вигов – в необходимости ужесточить законы и налоги, которые еще сильнее ударят по жителям Англии, так?

– По-моему, я не говорил «ударят». Но в общем ты пересказал правильно.

– Отлично. А можно ли найти более убедительный способ обеспечить единогласное голосование за эти жестокие законы, чем угроза восстания народа против правительства? Против нас, состоятельных, обладающих силой, но, к сожалению, до глупости беспечных?

Флетчер пораженно распахнул глаза:

– Ты хочешь сказать?... Нет, это нелепо. Кому это нужно? Мятежи? Марши протеста на улицах Мейфэра? Они же швыряются камнями, Лукас! Выковыривают из мостовых булыжники и превращают их в метательное оружие! Я слышал рассказы, как это происходило несколько лет назад. Я не могу позволить себе заменять все стекла в своей городской квартире, пожалей меня!

– Не говоря о счете, который выставит тебе стекольщик, никому из нас не нужно, чтобы в городе вспыхнули мятежи. Прибегать к помощи гвардии против своих же граждан?! Это было бы ужасно. Возможно, я действительно помог Сидмауту и другим своей импульсивной тирадой в Уайте, предупредив о таком развитии событий. Невольно я сыграл им на руку, хотя руководствовался совсем иными соображениями.

И меньше всего он предполагал, что именно его речь побудит обратиться к нему лорда Фрейни.

Флетчер машинально взял свой бокал с вином и задумчиво уставился на него.

– Давай посмотрим, правильно ли я все понимаю, хорошо? Ты говоришь, что кто-то – допустим, Сидмаут или человек из его окружения – намеренно подстрекает граждан восстать против правительства? Чтобы и без того суровые законы сделать еще более жестокими?

– Вот именно! – И Лукас знал, помоги ему, Господи, что вопреки всем своим взглядам и принципам он был близок к тому, чтобы принять самое серьезное участие в намечаемом предприятии.

– Хотелось бы мне, чтобы ты ошибался. – Как подумаю про счета стекольщика! Хорошо, насколько я понимаю, ты решительно настроен помешать этому. Чем я могу тебе помочь?

Мог ли он лгать своему другу? Да, мог – чтобы очистить имя своего отца от позора. К тому же сказать Флетчеру правду означало навлечь на него неприятности. Ведь то, что должен был сделать Лукас, сопряжено с нарушением нескольких королевских законов.

– Я не хочу тебя в это вмешивать.

– А тебе не кажется, что уже поздновато? Я же твой друг. Если ты что-то задумал, я тоже должен в этом участвовать. На моем месте ты поступил бы точно так же. Так что я могу для тебя сделать?

– Что ж... Скажи, тебе не составит труда и дальше ухаживать за леди Лидией Дотри?

Флетчер резко выпрямился в кресле.

– А! На тот случай, если она найдет другие листовки, да?

– Нет. – Лукас покачал головой. – Я не сомневаюсь, что, стоит только оглядеться, мы и сами найдем их повсюду на Пикадилли.

– Тогда зачем?

Говорить правду было уже поздно.

– Все очень просто. После того как я так опростоволосился в Уайте, я не хочу, чтобы люди думали, что я выступаю на стороне народа, как авторы этой листовки. Мне нужно уйти в тень и надеяться, что все забудут мою... вспышку. Леди Николь согласилась помочь мне. Суть нашей договоренности в том, что я буду делать вид, будто отчаянно ухаживаю за ней, то есть слишком влюблен, чтобы думать о таких серьезных вещах, как интересы граждан.

– Черт тебя возьми! Значит, ты уже составил некий план действий, какой-то способ, благодаря которому булыжник останется на своем месте? И вместо того чтобы посоветоваться со мной, ты посвятил в свой план леди Николь?! Лукас, ты меня обидел. Серьезно. И она на это согласилась? Почему?

В самом деле, почему? Лукас долго раздумывал над этим, то уверяя себя, что она действительно им увлеклась, то вдруг объясняя ее прихоть тягой к приключениям. Первая мысль приятно волновала его, вторая же тревожила.

Он беззаботно махнул рукой.

– Кажется, это дает ей возможность когда угодно выезжать со мной в коляске, ездить верхом и развлекаться разными другими способами, о которых сейчас не стоит и говорить. Впрочем, все это не важно. И на самом деле никакого плана действий у меня нет.

– Ты хочешь сказать, больше нет, помимо желания заставить людей забыть о твоей ужасной речи в Уайте – не хочу тебя обидеть. Все равно скажи, как я могу тебе с этим помочь.

– Но я уже сказал – ты можешь мне помочь, развлекая ее сестру, то есть вы с нею должны играть роль своего рода компаньонов Николь. Леди Лидия очень заботлива по отношению к своей сестре и, ты должен это признать, очень умна.

– Да, да, несомненно, – согласился Флетчер. – Правда, большей частью говорит она, но меня это несколько не раздражает. Думаю, она считает меня таким же неопасным, каким хочешь казаться ты сам. Но ты хотя бы намекни, что надумал. Ведь ты считаешь это далеко не безопасным делом, верно? Честно говоря, я даже сообразить не могу, что ты можешь сделать.

– Как-нибудь в другой раз, а то мы опоздаем на Гросвенор-сквер, чтобы отвезти дам в театр. А сейчас скажи мне вот что. Ты знаешь, показывала ли леди Лидия эту листовку леди Николь?

Флетчер кивнул:

– Да, она показала ее сестре и думает, что леди Николь потому и заинтересовалась сочинением Томаса Пейна. Помнишь? «Права человека»? Леди Лидия призналась мне, что никогда так не удивлялась, как услышав, что ее сестра читает эту вещь. Понимаешь, это совсем на нее не похоже. Она полагает, что леди Николь почему-то решила, будто должна больше интересоваться происходящим вокруг, а не стремиться только к развлечениям и прочим удовольствиям. Леди Лидия очень ею гордится.

– Черт, это все осложняет. Мне следует остерегаться, – тихо произнес Лукас.

– Остерегаться? Но чего?

– Любопытства хорошеньких женщин, Флетчер, – сказал Лукас, подходя к дверям кабинета и пропуская друга вперед. – А пока, раз уж ты так хочешь мне помочь, прошу тебя, в театре последи за нашими дамами, когда я на минуту покину ложу. Мне нужно встретиться с одним человеком. И главное, ни на минуту не выпускай из виду леди Николь, понимаешь? Договорились? А завтра я, может быть, кое-что тебе расскажу.

– Боже мой, она всего лишь юная девушка, к тому же только что из провинции. Уверен, мне не составит труда понаблюдать за ней.

– Да, – пробормотал Лукас, отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку. – Я тоже в этом не сомневаюсь.

Ковент-Гарден располагался в громадном величественном здании, по сравнению с которым театр недалеко от Ашерст-Холл, где Николь несколько раз бывала с братом и Шарлоттой, показался ей маленьким и провинциальным.

Сначала она поглядывала вокруг с деланным безразличием, но ее стараний хватило всего на несколько минут, и она снова стала самой собой, жадной до впечатлений и тонко подмечающей все комическое и уродливое. Вглядываясь в оживленную толпу посетителей, она выхватывала взглядом то поразившее ее красотой женское лицо, то чрезмерно выпирающие из корсета пышные тела молодящейся кокетки, то безвкусно яркий туалет леди весьма почтенного возраста. Среди разноцветных дамских нарядов чернели безупречные фраки солидных джентльменов. А заметив молодых франтов в туфлях на высоких каблуках, с невероятно высокими воротничками сорочек и торчащими из нагрудного кармашка фрака кружевными платками, она прикусила губку, с трудом удерживаясь от смеха.

У всех дам в ушах и на шее сверкали бриллианты, хотя некоторым больше подошел бы лошадиный хомут. Кто-то слишком громко хохотал, некоторые казались растерянными, но большинство окружающих держались

непринужденно и уверенно.

Они прогуливались по тротуару перед театром, затем неторопливо направлялись в вестибюль, а оттуда к забронированным местам или абонированным ложам. Они приехали провести время, продемонстрировать драгоценности и наряды. Они поднимали к глазам монокли и лорнеты, кокетливо играли веерами, обменивались небрежными, заинтересованными или откровенно завистливыми замечаниями.

Все вместе произвело на Николь сильное впечатление. Восхищенная позолоченной резьбой и затянутыми парчой стенами, которые ярко освещали многочисленные свечи в тяжелых хрустальных канделябрах, свисающих с потолка, пораженная зрелищем порхающих вокруг разодетых дам высшего света, она наклонилась к Лукасу.

– Я словно в волшебной сказке оказалась, – сказала она. – Кто все эти люди?

Лукас в очередной раз приветствовал кивком проходивших мимо них леди с джентльменом.

– Просто люди, Николь. Я бы с удовольствием сказал вам, что они пришли посмотреть представление, но это не так, во всяком случае, в отношении большинства. Они явились сюда посмотреть на людей и себя показать, чтобы потом сплетничать обо всем, что видели. А жаль, потому что сегодня дают пьесу Марии Терезы де Камп «Улыбки и слезы». Вы хотели бы с ней познакомиться? Для вас это было бы достаточно интересным приключением?

Николь улыбнулась ему:

– Конечно! А это прилично? Я имею в виду, знакомство с женщиной из театра?

– Да, абсолютно прилично, если я пошлю ей записку с приглашением заглянуть к нам в ложу в один из антрактов. Хотя было бы лучше пройти к ней за кулисы.

– Тогда мы так и сделаем. А Лидию и лорда Ялдинга оставим в ложе на попечении Рене, – сказала Николь, тогда как он не отрывал от нее восхищенного взгляда, явно войдя в роль ее преданного поклонника. – Вы же этого хотели, не

так ли?

– Только ради того, чтобы подарить вам еще одно приключение, чтобы вы не заскучали. Видите, я помню свои обязательства по сделке. Кстати, вы сегодня просто ослепительны. Буквально все провожают вас взглядами.

Николь и сама это видела, но считала необходимым делать вид, что ничего не замечает.

– Они и на Лидию смотрят. Мужчины улыбаются, а женщины хмурятся. Это очень плохо, если я скажу, что мне это нравится?

– Нет, разумеется, получайте удовольствие. Только советую вам запомнить следующее. Искренность и подлинное дружелюбие людей из высшего общества, если вам придется в него окунуться, на поверку оказываются такими же мелкими, как та лужа, где мы с вами оказались в день нашей встречи. Вы с сестрой являетесь заклятыми врагами для каждой дебютантки и ее мамы, озабоченной ее замужеством.

– И для мужчин?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Томас Пейн (1737–1809), просветитель радикального направления, участник Войны за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. и Великой французской революции.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mayklz_keysi/kak-ukrotit-ledi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)